

Николай Серый

Каникулы в барском особняке

Роман

Николай Фёдорович Серый Каникулы в барском особняке. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28265387

ISBN 9785449010940

Аннотация

Психологический роман о последствиях абсолютной власти, об утрате любви к себе и о борьбе за власть в тоталитарной церкви. Описание ненависти к себе, которая приводит к бессознательному самоубийству, замаскированному под несчастный случай. Вторая часть трилогии.

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	19
3	27
4	33
5	48
6	61
7	65
8	67
9	69
10	84
11	92
12	100
13	109
14	118
15	124
16	131
17	137
18	148
19	155
Конец ознакомительного фрагмента.	160

**Каникулы в
барском особняке
Роман**

Николай Фёдорович Серый

© Николай Фёдорович Серый, 2017

ISBN 978-5-4490-1094-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

1

Солнечным майским утром Илья Осокин сошёл с поезда на захолустной обшарпанной станции в южном предгорье. По дороге, вымощенной и булыжниками, и брусчаткой, зашагал он бодро среди старых лип к белому барскому дому в лощине. Одет был Осокин в белый мешковатый костюм, а в руках нёс потёртый баул из парусины. Пахло акацией и навозом, а в ярких лучах солнца искрились на обочинах лужи. Блестела роса на травах и листьях. Чирикали, ворковали, щебетали и каркали птицы. Журчала река поодаль... Илья Осокин – неудачливый мелкий плут, худенький, жилистый и невысокий, с пепельными волосами, морщил свой узкий лоб и мысленно сетовал на тяжесть юдоли. Востренький нос его шмыгал, белые мелкие зубы скалились, и чёрная бородавка шевелилась под правой скулой... Осокин сюда приехал со своей обыкновенной целью: он предполагал, что в барском доме можно разжиться ценными иконами для продажи их с барышом в столице. Осокин не рассчитывал на крупный барыш, ибо не имел никогда такового, пробавляясь мелкой спекуляцией и околпачиванием простаков. Ловчить начал Осокин ещё на философском факультете, который сумел

закончить. Занимался он модным искусством единоборств, иногда стрелял из пистолета в тире. Фехтовал на шпагах и рапирах... В армии он служил в сапёрных частях, мозоля киркой и лопатой ладони; однажды на маневрах его контузило взрывом противотанковой мины... Был он холост и жил в неряшливой комнате с кривой мебелью. Интимных подруг находил на бульварах и улицах. Был он не кичлив и без претензий: мелкий жучок-мошенник, кое-как добывающий себе деньги на квартиру, еду и редкие развлечения...

Дорога меж вековых лип уже закончилась, и он вошёл в подлесок. Названий кустов и деревьев Осокин не знал. Продираясь через росистые кусты, он забрызгался. Он вышел на ухабистую дорожку, усыпанную скрипучим щебнем. Дорожка была в тених от ветвей осин... И вдруг услышал Осокин басовитое хриплое лаянье, и вскоре он узрел пару огромных немецких овчарок, неспешно к нему бегущих. Он бросил баул и очень юрко вскарабкался на осину. Овчарки нюхали баул и тарасились на человека, который на ветке пытался устроиться поудобнее.

Псы тормозили баул и, гавкая, пялились на Осокина. Иногда опирались они передними лапами на ствол осины. Впрочем, собаки лаяли и рычали без особого усердия. Но вдруг они взъярились, и вздыбилась у них шерсть на загривках, и попытались овчарки в прыжках цапнуть Осокина за пятку. Он потянул ногу повыше и едва не свалился с ветки...

К нему вальяжно шествовала хозяйка собак; кобели у ног её скулили, повизгивали и ластились к ней. Она была в просторном белом брючном костюме с бантами и лентами, и складки в её облачении струились, а золотистые волосы громоздились в коке. Лицо чинное и строгое, но в зелёных глазах с длинными густыми ресницами – насмешка и, пожалуй, даже издёвка. Массивный браслет из платины блеснул на левой руке, пальцы унизаны перстнями с бирюзой, а на шее болтались цепочки с медальонами в причудливых таинственных знаках. Изумрудные серьги отягощали уши...

И брезгливо она глянула на Осокина. «Как на лягушку...» – подумал он, но вовсе не огорчился, не обиделся, а просто констатировал факт. Ещё и не так в его жизни смотрели на него: и с омерзеньем, и с лютой ненавистью, и глумливо... А теперь взирают, как на жабу... чепуха это... пу-стяк...

Говорить ему было нечего, ибо всё и так было ясно: испугался он псин и шустро взлез на осину. А барыне было совершенно безразлично: молчит он или болтает без умолку. Она ему сказала:

– Слазь.

Вышколенные собаки легли рядом с хозяйкой и, скалясь, смотрели на пришельца; он же проворно слез с дерева и нагнулся за своим баулом. При этом Осокину подумалось, что ему не найти здесь поживы, ибо барыня явно не дура, и если в окрестных селеньях и осталось из икон нечто ценное, то на-

верняка она всё заграбастала. И поэтому ему, перекупщику, делать здесь нечего и можно сматываться; он даже не слишком опечалился: ведь не первый раз срывалась у него сделка.

Так и ушёл бы он отсюда, если б не показалось барыне странным его отношение к ней. Этот мужчина оказался перед нею в совершенно дурацком виде: на дереве, как замызганная обезьяна, весь обрызганный влагой и с зелёными пятнами от листьев на белом костюме. Но, несмотря на это, пришелец не был смущён... И ещё: она гордилась своей арийской красотой, но пришелец никак, и вполне искренне, не реагировал на прелесть хозяйки собак. И в диковинку ей было это, ибо привыкла она к восхищению мужчин...

Она посмотрела на собак, те вскочили, вильнули хвостами и с угрозой рывкнули. Он опасливо покосился на кобелей, затем он посмотрел на хозяйку, и взгляд его стал совершенно безразличным.

«Ишь ты, – шевельнулось в её мозгу, – глядит на меня так, будто я трухлявый пень». И она услышала вдруг свой голос: – Какого чёрта вам здесь надо?

И сразу же подумала:

«Но почему козьявке, сморчку, плесени я говорю „вы“? Не много ли чести?..»

И вдруг он решил добыть-таки себе здесь барыш. Или хотя бы окупить затраты на поездку. И ответил он хозяйке грубоватым тоном прохиндея, даже не пытаясь говорить мягче и учтивей:

– У меня дельце, выгодное для вас.

– Вы мне сулите выгоду? – молвила она с презрением.

И через миг она досадовала на себя за явную нарочитость этого презрения. – Вздумали выгодой меня поманить, хотя предстали предо мною шелудивой мартышкой на ветке. И даже извиниться не удосужились. Не осознали, по-моему, нелепость положения своего. Какие дела могут у меня с вами быть? Хотите узнать моё мнение о вас?

– А зачем? – спросил он. – Вы ясно и резко дали мне понять, что ничто между нами не возможно. Дескать, не по Сеньке шапка. И поэтому безразлично мне, что думаете вы обо мне, кем считаете меня. Неряхой... прощельгой... сволочью... Для меня вы – пустое место, ничто. Вы совершенно безразличны мне.

– Вот даже как... ушлый, прожжённый какой... – процедила она шипуче сквозь белые крепкие зубы.

Не привыкла она к безразличию, и поэтому очень обиделась. И дивилась она своей обиде: неужели её, такую великолепную и гордую, смог уязвить презренный, жалкий недотёпа. Она его не смогла уязвить, а он её смог. И вдруг она ощутила его странное превосходство над нею. Такое ощущение ошеломило её. Внезапно она вздрогнула от желания истязать пришельца.

– А ну, ступайте, шалопай, по аллее вперёд, – мрачно повелела она. – И не вздумайте рыпаться, а не то... – и гневным жестом она указала на псов. Под собачьим конвоем Осокин

с баулом пошёл к особняку. Следом шествовала хозяйка, всё более свирепевшая.

«От чего вскипятилась она?..» – беспокойно размышлял Осокин, спотыкаясь и сутулясь. Рядом с собаками он оробел и начал при ходьбе ужиматься телом и семенить.

Вскоре уткнулся он в дубовую узорную дверь. Одна из собак касалась мордой его ног. Хозяйка, подбоченясь, недобро хмурилась, и ему стало страшно. Это не был страх перед людским презреньем, но страх перед телесной болью и за свою жизнь.

И вдруг он помыслил: «Хоть бы смерть оказалась лёгкой, без увечий и калеченья...» И он с ужасом изумился этой своей мысли. Он не понимал, почему вдруг подумал об увечьях и смерти...

С усилием хозяйка отворила тяжёлую дверь; Осокин в сени вошёл первым, за ним проскочили псы. Затем плавно вошла насупленная хозяйка и заперла дверь на ключ. Двинулись в гостиную: Осокина караулили собаки, а хозяйка тискала в жмене ключ вместе с белым кружевным платочком. Наконец, по карманам её были рассованы и ключ, и платок.

Преобладали в гостиной белые и чёрные цвета; на окнах были кованые решётки. Стояло на подоконнике распятие из пробкового дерева. В кадучке, украшенной чеканкой из меди, росла развесистая пальма. Столы и стулья были покрыты чёрным лаком. Темнели картины в строгих ампирических рамах; живописные полотна были столь темны, что содер-

жанье их трудно было различить. Совершенно чёрной была мягкая мебель. И лишь потолок с лепниной был белым. И розовыми были несколько дверей в смежные комнаты.

Широкая чёрная лестница с левым загибом вела на второй этаж. Осокин начал подниматься по этой лестнице, но псы ворчаньем его остановили. Хозяйка подошла к одной из розовых дверей и резко её распахнула; затем поманила пальчиком Осокина, а псам звонко крикнула: «Лежать!» И собаки послушно легли на тёмный паркет...

Она пропустила Осокина вперёд. Комната была о трёх окнах, завешенных прозрачными серебристыми портьерами. Хозяйка, молча указала на высокое дубовое кресло, и он обессилено и безвольно в него плюхнулся. Сама она присела на мягкий табурет возле большого зеркала и подумала: «Оробел, струсил...» Его страх был ей приятен, и она подобрела; Осокин ощутил это наитием и спросил сиплым баритоном:

– И как же мне величать вас?

Она решила впредь обращаться к нему на «ты» и надменно молвила:

– Зовут меня Алла. Никогда не забывай добавлять к моему имени слово «госпожа». Иначе я строго с тебя взыщу.

– Всё я понял, госпожа Алла.

– А каким же именем тебя дразнят?

– Зовут меня Илья Михайлович Осокин.

– Фамилия твоя не нужна мне. И тем паче – твоё отчество.

Стань покорен, почтителен и, возможно, я буду милосердна к тебе.

– Но чем я вызвал у вас гнев?

– Я не сержусь на тебя: слишком много тебе чести. Но ты мне нужен для моих целей.

И нажала она кнопку возле зеркала, и раздался мелодичный звон. И мгновенно перед ними из гостиной появился кражистый мужик в алой бархатной рубахе и в пояске с серебрястыми бляхами и бахромой. Ещё на мужике были серые порты, заправленные в щегольские сапожки по голень. Мужик был черняв, усат и с бородой лопатой. Он церемонно поклонился хозяйке в пояс.

«Цирк какой-то... балаган и бред...» – подумал Осокин.

Хозяйка вскочила и, тыча перстом в Осокина, велела ражему мужику:

– Наблюдай, Кузьма, за ним. Смотри, чтобы не дал этот тип стрекача отсюда. Иначе доведу я тебя до остолбенения, твою судьбу исковеркаю.

– Повинуюсь, моя хозяйка Алла Зиновьевна, – хрипло и почтительно ответил Кузьма. – Я буду неусыпно бдеть.

И Кузьма замер на посту у дверей. Осокин взирал на ряженого мужика, застывшего смирно, по-воински, и моргал ошарашено. Алла важно ходила по комнате. И вдруг возник за спиной Кузьмы третий мужчина, начавший и хмыкать, и кашлять. Осокин решил, что долее располагаться в кресле не вполне вежливо, и встал.

– Здравствуйте, мой хозяин и князь Роман Валерьевич, – шепеляво и тягуче забормотал Кузьма.

– Привет, мой кучер, – буркнул небрежно хозяин и, прогарцевав мимо гостя к Алле, чмокнул её в обе щеки. Затем похвалил её:

– Сегодня ты, племянница, особенно свежа и изящна. Белоснежные перси и ланиты с румянцем. Ты – ангелочек!

Роман Валерьевич был в просторном синем костюме и белой сорочке с кружевным воротником. Это был юркий мужчина с брюшком, лысиной, усами и белесой бородёнкой клином. Пальцы его были унизаны перстнями и постоянно двигались. Глаза у него были выпуклые и тёмно-мутные, лицо мясистое, одутловатое с крупными морщинами, прямым носом и тонкими губами. Улыбаясь, он обнажал белые мелкие зубы. С проказливой улыбкой он обозрел Осокина.

– Откуда сей плюгавый хлопчик взялся? – весело спросил хозяин. – Разве назначен ему приём?

Хозяин расположился в высоком кресле, Алла прикорнула рядом на чёрном диване; она, колеблясь, медлила с ответом. Осокин замер на середине комнаты, а Кузьма столбенил у дверей, держа руки по-военному, по швам. Хозяин вынул из футляра очки в золотой оправе, водрузил их на нос и спросил повторно:

– Разве назначен ему приём? И что делать здесь этому юмористическому типу?

Она ещё колебалась и молчала; и вдруг Осокин понял, что

труден для неё ответ на этот вопрос. Она слегка зарумянилась, надула пухлые губы, и появились у неё на лбу капельки пота.

– А я ведь жду ответа, госпожа Гурьева, – нетерпеливо напомнил ей хозяин. – Почему кутерьма? Неужели опять баловство?

– Вовсе нет, – ответила она со вздохом. – Я ведь не шалила, поверьте. Но я не могу объяснить, почему я привела его сюда.

Она помолчала и тихо продолжила:

– Он оказался в нелепом, комическом положении. Он попал в нашу рощу возле реки, и там его атаковали псы. И он, спасаясь от них, залез на дерево. Собак я уняла, и по стволу он сполз, весь зачуханый. Его положение, повторяю, было самое нелепое, но не был он сконфужен, смущён. И было ему безразлично, что я подумаю о нём. И пробубнил он мне об этом своём безразличии, назвав меня «пустым местом». Это меня весьма обидело, и я решила наказать его за безразличие ко мне. И для кары привели его сюда. Ведь не привыкла я к такому отношению ко мне.

– И ты узнала его имя? – брюзгливо спросил Роман Валерьевич, оттопырив нижнюю губу.

– Да, я спросила. Его зовут Илья Михайлович Осокин.

– Ишь, даже отчество его запомнила! – удивился хозяин.

– Я запомнила... Верней, оно само мне запомнилось...

– Сядь, – велел хозяин Осокину, и тот присел на краешек

стула, сунув свою суму между ног.

– Что упрятано в котомке? – спросил Осокина хозяин.

– Мыло, бельё, лезвия бритвы, зубная щётка и паста.

– Меня зовут Роман Валерьевич Чирков, – представился, наконец, хозяин. – Я – владелец усадьбы и хутора. А теперь ты, гость, помолчи, пока тебя не спросят.

И Осокин сгорбился, согнулся на стуле в знак покорности. Чирков сказал:

– Пожалуй, заинтересовалась ты им, племянница. А почему?.. и сама объяснить не сможешь...

– Какое там влечение! – пылко спорила она. – Разозлил он меня своим безразличьем, пренебреженьем. Он назвал меня «пустым местом». И ведь сами вы, дядя, учили, что надо мстить за оскорбление!

– Да, я учил этому, – согласился Чирков. – Но ведь я тебе также вдалбливал, что должен быть во мщении смысл. А какой тебе смысл в наказании этой лужги в личине мелкого жулика? Банальный, заскорузлый, опаршивевший плут... Шут, скоморох...

– Но вы не правы, дядя, – возразила она. – Гляньте же на него. Без сомнения, он трусит. Но страшится он только наших борзых собак. Пугают его только телесные муки. Но не мнение наше о нём. Безразлично ему: презираем мы его или же нет. И такое безразличие к нам сродни презрению.

Осокин очень всполошился и подумал:

«Срочно мне надо пресечь такие идеи. Ведь она – ненор-

мальная! Она скоро преступником меня огласит и велит слуге мутузить меня ради признания вины. Как в милицейской камере... А стремянной Кузьма очень похож на лютого ката, на палача-кнутобойца. А дядюшка её, похоже, рехнувшийся самодур. Спятил он от богатства и власти. Шкурой чувствую эту власть. Неудачная у меня гастроль получилась. Жестоковыйные и чокнутые они. Пора мне себя спасать, иначе изувечат. Особенно зловредна баба...»

И Осокин вылупил на неё глаза и умильно заканючил:

– Вы, сударыня, не поняли меня. Вы не будете безразличны даже кастрату, скопцу...

Осокин глянул на хозяина и, склонив повинно голову, произнёс:

– Простите меня, сударь. Велика моя вина. Приказали вы мне молчать, пока меня не спросят. А я, ничтожный, вдруг талдычить начал. И я молю: простите и выслушайте...

Пришелец в ожидании умолк, и Чирков умилоствился с брезгливой гримасой:

– Говори, смрадный путник. Долдонь, изжёванный картонный фигляр.

Осокин сказал:

– Вы, сударыня, прелестны... И пленительны вы баснословно... Ещё на ветке заметил я это... Но кто я такой, чтобы дерзнуть плениться вами? Принцесс крови оскорбляло дерзновенное восхищение холопов. Настолько была между ними велика сословная разница, что рабы не имели права даже

на молчаливый, на тайный восторг... А кто я такой?.. Шелуха на ристалище жизни!.. Мелкий шарлатан!.. Барахольщик я! У меня презренная стезя, гнусное поприще, позорный рынок... Ибо я – торговец иконами. Вернее, скупщик их. Среди спекулянтов иконами я – на самой низменной ступени. Хотя я успешно окончил философский факультет в первопрестольной... в университете...

Чирков прыснул в кулачок смехом; племянница, победно хихикнув, молвила:

– Залезил... прыщ... Дрейфит...

Чирков надменно спросил:

– Так ты – философ с дипломом? На экзаменах наловчился подлизываться?

Племянница ухмыльнулась, и Осокин сказал:

– Не ошиблись вы. Слабым я был студентом, никчёмным. Знания куцые. Ради положительных оценок даже прачкой служил я профессорам. Лохань и корыто помогали лучше учебников. Не привыкать мне. Я – сирота с пелёнок. Мать, заботясь обо мне, надрывалась на трёх работах, пока не сгинула. Еле до окончания курса, до диплома дотянул... А теперь молю рассудить: разве посмеет такое ничтожество, как я, иметь своё суждение о барах?

– Но ты был груб, – попеняла она. – Назвал меня «пустым местом». Как посмел?

– Весьма справедливый упрёк, – сразу согласил Осокин. – Не только укора заслужил я, но и кары. Но среди такой ба-

зарной шушеры я вращаюсь, что уже я отвык следить за пристойностью фраз и речи. Я больше не слежу за лексикой своей! Поймите меня: среда, в которой я кочую, заела, и я деградировал... Не ругайтесь очень...

– Не стоишь ты моей ругани, – спесиво заявил Чирков, и вдруг он осёкся, он усомнился, и, помолчав, произнёс гораздо более вежливым тоном: – А впрочем, меня осенило. И понял я вдруг, племянница, почему привела ты его сюда. Безразличие его к тебе здесь не причём. Он – изошрённая штучка. Ты в нём распознала наитием, нутром лазутчика...

И, стеная, всплеснул Осокин руками, и вскочил он со стула и заорал отчаянно:

– Да какой же я шпион?! Боже милосердный!.. Такое предположение – курьёз!..

2

Лицо Кузьмы посуровело, и он приосанился. Он внезапно ощутил бурную симпатию к пришельцу и отлично понял причину этой своей приязни. С негою в теле Кузьма размышлял:

«Я на него смотрю так, как стая волков в степи взирает на загнанного оленя, уже не опасного им от бессилия. Так я смотрю на жирную уху и чарку водки возле шалаша рыбарей, на ядра граната, на зернистую икру в блинах и на копчёности к яичнице...»

И Кузьма, дёрнув кадыком, проглотил слюну, а потом почти с нежностью подумал о пришельце:

«И как же тебя угораздило, дурашка, оказаться здесь? Да ты ещё нататорил о себе всю подноготную. Сказал, что сирота и ничтожество. И, наверное, о своей поездке никого не уведомил. И теперь ясно, что если ты исчезнешь, то тебя никто искать не станет. Никто!.. Хоть в кургане тебя зарой. Теперь не хнычь... Возможно, хозяин и его племянница решатся, наконец, на дело. А то для них пока важней всего — их словоблудие. Научились они триндить... Тоска и скука в усадьбе... И мне тошно... Надо их принудить живого мяса попробовать. Я-то их понимаю. Пока не истребишь первого врага, всегда жутко, а затем возникает привычка, черствеет и закаляется дух, и, как наградой, появляется радость

от войны, смертельного соперничества и трофеев...»

Кузьма кашлянул многозначительно, и все на него посмотрели. Слуга басовито сказал:

– Вы, конечно, обратили внимание, что гость – сирота. Он сам об этом талдычил. Его искать никто не станет. Кому он нужен?..

Чирков, насупясь, возразил:

– Не станут его искать только в том случае, если он – не лазутчик. Иначе непременно будут попытки связаться с ним.

– Какой же он лазутчик? – сказал Кузьма. – Самый обычный и сквалыжный скупщик икон. Бывший интеллигент. А коли шпион, так легенда у него глупая: мелкий торгош иконными досками. Да приличные люди на порог не пускают таких обормотов. Старухи и те, скорей всего, погонят его со двора граблями и вилами. С такой легендой никуда не внедриться. Нет, для лазутчика могли бы придумать более плодотворную басню.

Чирков удручённо потупился, и слуга мгновенно смекнул, что хозяина обидело пренебрежение версией о лазутчике. И самым почтительным тоном Кузьма поправился:

– Но нельзя, разумеется, и того исключить, что пришелец всё-таки заслан. И поэтому нужно его изолировать из предосторожности... На всякий случай... Условия у нас комфортные... и харчи лакомые... В цокольном этаже всегда наготове уютный казематик. Сопроводить гостя туда?

Чирков напыжился в кресле и гаркнул:

– Внимайте моей резолюции! Без канители законопатить его, и скармливать ему постную снедь! Я санкционирую это! И не нужно либеральничать с ним!

Кузьма степенно приоткрыл дверь и цокнул языком; прибежали псы. Осокин шарахнулся к окну и глянул на решётки; затем повернулся лицом ко псам и, слегка заикаясь, сказал:

– Безропотно я повинуюсь. Я только прошу обойтись без кандалов и вериг.

– Излишни здесь оковы с гирей, – произнёс Кузьма, осклабясь. – Отсюда нельзя дать стрекача, драпануть. Кукиш тебе, а не побег! Миндальничать не буду, но и на цепь не посажу. И клеймо-тавро на тебе я жечь не стану.

– Я вас благодарю, – молвил Осокин и, жмурясь, поклонился в пояс. Кузьма скомандовал псам: «Охранять», и те оскалились... Кузьма повёл пришельца в подвал, и псы, ощерясь трусили за этой четой...

«А ведь это уже всерьёз, – подумала Алла, ёрзая в кресле. – Мы очень рискуем. Наши прежние поступки – это ведь милые шалости и забавные плутни. А теперь серьёзный куш брошен на кон: незаконное лишение свободы. За это и в тюрьму могут упечь. Бред: я сплю на барачных нарах, и бельё у меня залатано лоскутьями! Но и прозябать надоело. Я ведь свихнусь умом от обилия канцелярской рутины...»

Чирков хохлился в кресле и шурился...

В комнату плавно вошла высокая седая женщина в зелёном сарафане и белом чепце. Она была худой и статной и с монашеским ликом; её накрахмаленный белый передник с алой каймой слегка похрустывал. Женщина произнесла грудным голосом:

– Пожалуйста к утренней трапезе.

– Благодарю я вас, Агафья Леонидовна, – ответил томный Чирков и, резво вскочив, устремился к двери. Седая Агафья учтиво посторонилась. Алла медленно встала и пошла за ним. Последней покинула комнату Агафья, плотно притворив дверь...

Они вошли в просторную столовую, где за прибором уже разместился худосочный белесый хлыщ, обряженный в серый с искрою кафтан старорусского покроя; дополнял наряд синий кушак.

– Салют тебе, Кирилл, – сказал Чирков и понюхал воздух. – Яства готовила Волченко?

– Да, это Агафья и варила, и жарила, – отозвался баском Кирилл, скребя ногтём мизинца левый висок. – Судя по кухонным ароматам, – изряднаястряпня...

– Хорошо, – изрёк Чирков и торжественно сел за овальный стол.

Сотрапезникам за столом прислуживал Кузьма, добавивший к своему наряду белые нитяные перчатки и узкий кинжал в серебристых ножнах. Слуга с блюдами ступал по коврам бесшумно и мягко, и усы его задорно топырились.

Усердно накрахмаленные салфетки и скатерть тихо хрустели... Они вкушали на боярском серебре картофельный суп из бычьих хвостов, жареных цыплят, калачи и спаржу. Беседа сотрапезников была нервически-весёлой, и Кузьма прислушивался к их речам...

– Ишь, испугался пришелец, что мы его в кандалы закуём, – балагурил за едою Чирков. – Но мы милосердны будем, хотя он заслуживает не только застенка, но розог или батогов. Хотя Кузьма и отрицает, что он – лазутчик, но полностью нельзя этого исключить. Внушает незванный гость чувство брезгливости, но говорили мне, что теперь во многих разведках мира учат агентов казаться блеклыми и ничтожными. Для разведчика подобная личина чрезвычайно полезна... И должен я сказать, что у гостя повадки таковы, что будь он в толпе, то внимание на него обратили бы мы в последнюю очередь. Носки и бельё у него, наверное, заштопаны... И ты, любезная Алла, заприметила его только потому, что ты его застала в нелепой позе на ветке. Иначе ты не обратила бы на него никакого внимания. Но, глянув на него, ты поняла бессознательно, что он не прост. Его выдаёт выбор слов и лексика...

– Но ведь он закончил факультет философии, – сказала Алла, – и отнюдь не в провинции, а в столичном университете.

– Философ! – хмыкнул Чирков, пригубливая стакан с ледяным брусничным морсом. – Пускай теперь помается в под-

вале. И пусть не думает, что обитают здесь олухи.

– Но никак я не пойму, – молвил Кирилл, – зачем потребовалось его запереть? Возможно, он просто заблудился, случайно затесался сюда. Но допустим, что он действительно лазутчик. И сразу возникают два вопроса: что он хотел разведать у нас, и что теперь с ним делать?.. Если он – настоящий торговец иконами, то всё обошлось бы только нашим уверением, что церковных образов в этом доме нет. И сразу бы он отсюда убрался и шастал бы пару дней по окрестному захолустью. Но и там, как мы знаем, икон нет, сколько не шарь по избам и хатам. И укатил бы он восвояси, и скоро позабыл бы он в торгашеских хлопотах уютный наш закоулок. Но никогда не забудет он плененья своего. Арестанты всегда великолепно помнят место своего заключения... А теперь я повторю свои вопросы: что он хотел разведать у нас, и что теперь с ним делать?

– На первый вопрос очень легко ответить, – заявил бодро Чирков. – Нет сомнения, что очень многие заинтересованы нашей приоритетной методикой. Согласитесь, что она стоит того, чтобы постигать её тайны и копировать её. И разве она не может заинтересовать государственные секретные органы? И конкуренты не прочь выведать наши концепции, приёмы и способы. А ведь соперников у нас немало...

– Да, их немало, – согласился Кирилл. – Но вполне им достаточно и собственных шаблонов и методов, пусть и менее изощрённых и надёжных, чем наши. Просто лишают

сна и не дают кушать мяса. Только растительная пища... и сплошь сырые злаки... Бессонница и голод помогают внушить всё, что угодно. И неистовый, исполинский ор в экстазе на раденьях... И хватает всего этого нашим конкурентам для закабаления быдла. Ведь у соперников отсутствуют наши честолюбивые планы и цели.

– В этом я не уверена, Кирилл, – возразила Алла таинственным шёпотом. – Ведь не только мы одни честолюбивы и умны. – Она расхохоталась и хлопнула в ладоши. – Я выразилась почти стихами, в рифму!.. Но, Кирилл, если этот проект пришёл нам в голову, то ведь мог же он забрести в мозги и другим.

– Справедливо, верно, – поддержал её Чирков. – Конечно, мы не считаем уровень нашего ума обывательски-средним, и наши имена останутся на скрижалях. Но и возноситься негоже... Чрезмерная горделивость многих сгубила.

Кирилл усмехнулся и сказал:

– Допустим, вы меня убедили. Найдутся у нас секреты, которые соперникам полезно разведать. И посылают они к нам лазутчика, если не диверсанта. Его усекает на сучьях обворожительная Алла. Его турнули в застенок. И после всего этого не будет пришелец сомневаться в том, что у нас есть тайны. И как теперь поступить с ним?

– Мы его оскорбили, – со вздохом молвила Алла. – Дразнились и обижали его бранными словами... А если он захочет отомстить?..

На столе уже пыхтел самовар с чаем. Кузьма принёс на тарелке ситной каравай, разрезанный на дольки. И разом со-трапезники глянули на слугу, а тот после расчётливой паузы весомо произнёс:

– Пленных допрашивают... и с пристрастием... С ними не миндальничают... Им взбучку дают, их мутузят... Господам не надо этим мараться. Уберу посуду, вытру пыль и займусь этим...

– На допрос ты должен взять меня, – потребовала вдруг Алла. – Я хочу и буду присутствовать.

– Как госпоже моей будет угодно, – отвечал Кузьма, слегка кланяясь. – Но это – серьёзное дело, а наряд у вас весёлый, легкомысленный. Извольте в тёмное одеться.

– Хорошо – согласилась Алла.

Допивали чай уже в полном безмолвии...

3

Свет в высокую подвальную комнату проникал через круглое окно возле самого потолка. Окно было с решётками и очень толстым стеклом. Штукатурка всюду была серой. Наружный воздух в комнату попадал только через узкую щель под железной дверью. Но струи воздуха были сильными и холодными, и озябли ступни Осокина.

Убранство подвальной комнаты было скудным: очень низкая лавка из брёвен и досок, железная раковина с водопроводным краном и керамический унитаз со сливным бачком.

Осокин на лавке лежал ничком и очень сожалел об отнятом бауле, который можно было для удобства положить под голову. Лавочные доски оказались плохо струганными, занозистыми... Осокин заворочался и подумал:

«Необходимо мне хотя бы малость покомарить на этих полотах. О, Господи... зачем меня замуровали?.. Какая кручина!.. И что же норовят со мною сделать?.. И жратву сулят постную. Нет, мне почивать рано. И хватит безалаберности. Ещё никогда я так не влипал. Похоже, что себя мне надо спасти. И очень важно теперь понять: кто они?.. Кто эти люди, что меня запихали сюда?.. Вычурно они обряжены, но речи у них грамотные. И даже у Кузьмы очень правильная речь: точная и лаконичная. И хотя ретиво Кузьма и демонстрирует свою почтительность, но в этом доме он весьма влиятелен.

Чересчур у этого слуги учтивость подчёркнутая, она – показная, нарочитая... Он подхалимничает, лебезит и кланяется, но в его нутре стержень качественный и упругий, как булатная сталь. Над своими господами имеет он власть, которую они сами не осознают. Их обмишурила его раболепная покорность...»

И Осокин мысленно одёрнул себя:

«Только не надо теперь умственной суеты, суматохи...»

И вскочил он с лавки и, снуя по комнате, размышлял:

«А если мне избрать тактику этого Кузьмы? Личину на себя напустить абсолютной покорности!.. Нет, одной только личиной их не обмануть. Не дураки ведь они и распознают актёрство. Халтуре не пособит и театральная система Станиславского... И хозяин с козлиной бородкой не прост. Не обжечь его, не облапошить. Надо не играть, как на сцене, а на самом деле стать их рабом, одержимым беспредельной и искренней любовью к барам и полной покорностью им... Ведь и Кузьма поначалу не играл, но всей душою был им предан... И поверили ему, и перестали с ним быть настороже. И когда исчезла его вера в них, и он, разочарованный, стал актёрствовать, то они были уже не способны различить его притворство... И мне нужно не уподобляться рабу, но доподлинно стать им. Полюбить своих господ и разделить всей душою их цели и чаянья...»

Осокин плечом притулился к двери и подумал:

«Но какие у них могут быть цели? Если собрались они

меня, походя, убить, то, значит, они уверены в своей безнаказанности. Ведь меня, действительно, никто искать не станет. Меня облыжно обвинили в шпионстве, и цель сакрального убийства меня в том, чтобы сообщников кровью вязать в капище... Наверняка у них есть иерархия. И для спасения надо мне в эту иерархию пролезть. Но как мне сделать себя абсолютно покорным?..»

Он усмехнулся краешком рта, и мысли нахлынули:

«Учили меня, что бытие определяет сознание. Следовательно, коли я буду вести образ жизни верного и покорного раба, то я действительно им стану... Как в семинариях крепят веру в Бога?.. Читал я где-то, как юный первокурсник был наивно убеждён, что в семинарии докажут ему неопровержимыми резонами бытие Божие, рассеяв сомнения. И тогда вера станет живой, осознанной... Тщетные упования!.. Семинаристов просто принудили к образу жизни, оправданием и смыслом которой был только Бог. Их муштровали, как матросов, под дудку и колокол. Коленопреклонения, ночные бдения, посты, молитвы и исповеди крепят веру сильнее, нежели аргументы. Чтобы из ярого безбожника сделать религиозного фанатика, надо его заставить вести образ жизни этого фанатика. И тогда плоть его, страдая от вериг и самобичеваний, принудит его сознание принять идеи, которые такую жизнь поощряют и оправдывают... Значит, нужна мне рабская покорность... Я раб, раб, – начал он себе мысленно внушать, – жалкий и ничтожный, но беспредельно

верный своим господам...»

Он усмехнулся, скалясь во все зубы, и подумал:

«Странно, что я кумекаю во всём этом. Какие интересные идеи у меня вылезли из подсознания!.. А ведь я даже не подозревал, что я помню что-то из философии. А как приспичило, так и вспомнил я психологические выверты».

Он стал на колени и вздыбил руки. И размышлял он:

«Мне нужно изнурить плоть. Пожалуй, хорошо, что досель меня здесь не покормили. На сытый желудок всегда выглядишь менее жалким, чем с икотой от голода...»

И вздрогнул он от страха перед смертью, и вдруг почувствовал, как страх этот начал проходить... Осокин уже утомился вздывать свои руки, и сложил он их молитвенно на груди. Внезапно появились у него на глазах слёзы от непонятного ему умиления. Затем он понял, что умилён он своими новыми господами, их словами и жестами. И все повадки и речи его господ стали ему казаться исполненными великого смысла, особенно у Кузьмы. И начал Осокин их беседы воспринимать грозным пророческим клёкотом потусторонних тварей.

Сначала некая часть его сознания наблюдала с иронией и презрением за этими метаморфозами. Но породило такое наблюдение смертельный ужас, и начал Осокин быстро утрачивать способность видеть себя как бы со стороны. И вместе с потерей способности его к самоанализу исчезал его страх... Несколько минут тревожила Осокина его раздвоен-

ность, и отчаянно хотелось ему избавиться от неё и стать не тем человеком, который на себя способен смотреть как бы со стороны, но обрести цельность гордого своей верностью господам холопа.

Он вздымал руки и бормотал:

– Они – воистину мои господа!.. Они – столпы и жрецы великой истины. А я бездумный и колеблемый листик, который летит по ветру над слякотным, грязным шляхом, пока не угодит в лужу на обочине, чтобы сгнить там...

И снова утомился он держать дыбом свои руки, и опять он их сложил молитвенно на груди... И старался он воображать те великие блага, которыми хозяева наградят его за покорность и верность...

Его заполонили эротические грёзы... И воображал он оргии с девочками-школьницами, и он плакал от умилённой благодарности своим новым господам за то, что в награду за верность пожалуют его дозволением участвовать в этих зазорных и срамных пиршествах. Пожалуют дозволением участвовать в оргии, как барин в старину, расщедрясь, жаловал крепостному холопу тулуп со своего плеча...

Его эротические грёзы становились всё более яркими и разнузданными. И чем более воспаленным становилось его воображение, тем большую благодарность он испытывал к господам. И он хрипло и визгливо благословлял их за то, что они в награду за его раболепную службу позволят ему воплотить наяву эти извращённые мечты и грёзы.

И чем становилась больше его благодарность за эфемерную, воображаемую награду, тем меньше был его страх перед господами. И перед тем, как превратиться в совершенного раба, появилась у него отрыжкой от прежнего Осокина такая мысль:

«Мой страх перед человеком вызывает его ответный страх. И если не боюсь я этого человека, то и он не станет меня опасаться...»

В своей спальне Алла сидела в тонком белье с рюшками на мягком табурете возле трюмо и расчёсывалась черепаховым гребнем; и любовалась она золотистыми и густыми прядями своих волос. На постели с зелёным покрывалом лежал чёрный утюженный костюм из шёлка. Утреннее белое одеянье валялось на ворсистом пёстром ковре. Окна с сетками от мух, комаров и ос были распахнуты, а тёмно-зелёные шторы задёрнуты. Антикварная мебель, расставленная здесь после своего ремонта и реставрации, чернела по углам и вдоль розоватых стен. Старые картины с пикантными сюжетами тускло мерцали вместе с посеребрёнными рамами. Белели пуфики, и отливала красным лаком купеческая конторка.

Алла подумала о том, что в её городской квартире спальня обставлена гораздо изящнее. Но в этом доме решала отнюдь не Алла, хотя советам её порой внимали. Но не было у неё права окончательного приказа даже в мелочах, ибо здесь всеми делами заправлял Роман Валерьевич Чирков.

Она нюхала свои руки и размышляла:

«Дядя очень хороший психиатр и врач, но с художественным вкусом у него нелады. Пошловатые полотна картин повесил он здесь, и ткань для обивки мебели аляповата. Надо было для убранства чертогов пригласить специалиста-дизайнера. Но ведь настолько дядя уже привык всё решать сам,

что уже не могла у него зародиться мысль позвать художника для отделки хором. Дядюшка, мол, и сам мастак и дока во всех делах и профессиях. И поэтому в нашем тереме обустройство слегка карикатурно... Впрочем, как знать... Дядюшка уверяет, что всё на свете должно быть слегка исковеркано. Он даже пишет каракулями, коих не разберёшь. Но он твердит, что пользование безупречной красотой делает расхлябанным и ослабляет дух. И, возможно, неуклюжесть моей спальни – нарочитая, ибо здесь очень приятный контраст – моя изящная, хрупкая фигурка... Дядя, бесспорно, любит меня и прочит в наследницы своего дела...»

Она в зеркало улыбнулась себе и подумала:

«Конечно, очень хорошо, что решает дядя всё сам. Ведь я, пользуясь на него влиянием, имею и сама толику власти над челядью. Но ведь я не единственная, кто пытается на него влиять. Например, Кирилл... Этот щёголь умён, циничен и прозорлив; и способен он давать ценные советы. Но нет у него властной жилки. Хотя, как знать: возможно, что властную эту жилку он умело маскирует... Но всё-таки в Кирилле нет по-настоящему звериной воли ко власти. Он не столько алчет самой власти, сколько возможности давать советы властелинам. Пусть-де мараются правители в кровавой грязи, а он, такой пушистый и чистенький, будет только давать им советы. Он будет только мозговым центром, не пачкаясь и не рискуя... Типичное намеренье интеллигента. Наши рафинированные интеллигенты всегда мечтали о том, чтобы

владыки призвали их к себе, как советчиков. Удобная роль! Не нести буквально никакой ответственности, вменяя политикам в вину все провалы. Не обеспечили-де правители надлежащее исполнение советов и не во всём были согласны. Пусть и расхлёбывают... У Кирилла нет нахрапистой воли Кузьмы...»

Вспомнив о Кузьме, она тревожно нахмурилась, и вдруг её осенило:

«А ведь именно по воле Кузьмы я теперь меняю свой наряд!.. Лакей предложил мне переодеться в чёрное платье, и я теперь, будьте любезны, послушно исполняю его пожеланье! И дядя мой в последнее время почти не перечит Кузьме. Но ведь Кузьма – просто слуга и ничего более того...»

«Слуга-то он слуга, – замельтешили в ней мысли, – но я-то переодеваюсь по его воле. И по его воле допросят пришельца. Чересчур паниковать, конечно, не стоит, но новое положение слуги в нашем кубле нужно обязательно учитывать. Иначе поток событий может выйти из нужного мне русла... С кудлатым казачком следует мне отныне быть начеку... превратился он в опасного витязя...»

Она вскочила с табурета и, подойдя к окну, отдернула порывисто шторы. Она посмотрела на запущенный сад и на пруд с тиной и ряской. На руинах колокольни из красного кирпича она различила мох. На высокой мачте трепетал флюгер, и ястреб реял под перистыми облаками... И вдруг повеяло влажной прохладой...

Алла медленно оделась в чёрный брючный костюм и заколола с нарочитой небрежностью свои волосы серебристыми шпильками и булавками. Затем она спустилась со второго этажа на первый в буфетную комнату. Алла отворила резную дубовую дверь и с порога оглядела помещенье, заставленное старинной мебелью. Комната оказалась безлюдной. Громадный буфет из палисандра занимал половину правой стены. Кухонная утварь, беспорядочно расставленная, была хорошо надраена и блестела. Открытое окно с сеткою от мух находилось супротив двери. Возле камина лежали бронзовые щипцы и поленица берёзовых дров с корой на растопку. Вёдра для мытья полов, швабры и щётки были расставлены по углам. Из медного крана вода, пузырясь, текла в розовую керамическую раковину. Пахло подгоревшим кофе и кубинским ромом... Напольные часы пробили полдень...

И вдруг она услышала, как в затылок ей фыркнул Кузьма, и резво она обернулась. Затем она отпрянула от него, и он, поклонясь в пояс, молвил:

– Скрупулёзно исполнили вы просьбу мою. Вид у вас грозный, как у валькирии...

Алла его прервала:

– Где беседовать с пришельцем мы будем?

– В том зале, что и давеча. Ступайте вы туда и кликните, походя, псов. Он их боится... они обескуражат его... не уютно ему будет с ними... Да и безопаснее так...

Из голенища сапога он вынул плётку и бесшумно ушёл

по коридору, застланному красным паласом...

Она вошла в зал и села в кресло, в котором утром хозяин дома опрашивал пришельца. Она куксилась, ибо ей было неприятно, что опять она подчинилась пожеланию Кузьмы. Ведь именно он для допроса выбрал место и послал её туда. И послушно она пришла в этот зал. И велено ей было кликнуть собак. Она прекрасно понимала, что использование собак на допросе – разумная мера, ибо их оскаленные морды явно лишали пришельца твёрдости, но очень уж не хотелось Алле исполнять и это пожелание слуги. И без того ощущала она себя униженной, и решила она побранить, отчихвостить Кузьму, как только он здесь появиться. И хотелось ей изругать слугу именно в присутствии Осокина, пусть знает и тот, кто здесь хозяйка...

Но затем она сообразила, что не вполне разумно показывать слуге свою неприязнь к нему. Будет гораздо умнее скрывать свою враждебность... Никакой строптивости!.. Девизом отныне будут слова: «Борьба под личиной полного дружелюбия».

Нельзя выражать недовольство!.. Таить нужно раздраженье!.. Кузьма ведь не прост, и отныне говорить она с ним будет с подчёркнутой любезностью...

И Алла пошла на крыльцо, оставляя все двери за собою распахнутыми. На крыльце она лихо засвистала, сунув два пальца под язык. И сразу примчались собаки, виляя хвостами. Она тихо приказала псам: «За мной!..», и те весело и по-

слушно потрусили за ней в зал.

Она опять уселась в хозяйское кресло, а собаки крутились и сновали рядом. И вдруг они настороженно ощерились. В зал вошёл Осокин, толкаемый в позвоночник Кузьмой. Слуга поигрывал ногойской плёткой с набалдашником и криво ухмылялся.

Кузьма плёткою ткнул в Осокина и приказал псам: «Охранять!.. караулить!..» Затем буркнул Осокину: «Сядь», и тот покорно порхнул на стул, стоявший супротив Аллы. Собаки легли наискось от правой руки Осокина. Псы рычали и грозно скалились...

Затем Кузьма затащил и поставил кресло слева от Аллы и чуть впереди её; слуга пыхтел и багровел, а борода у него была всколочена. Алла заметила, как явно слуга собирался вальяжно плюхнуться в кресло и по-хозяйски в нём развалиться. Но обуздал Кузьма это своё желанье и, скукожась, обратился он почтительно к Алле:

– Госпожа позволит мне сесть?

– Да, разумеется, садитесь, – ответила Алла, усмехаясь краешком рта.

– Я очень благодарю вас, – сказал Кузьма и сел. – Пусть не сетует моя госпожа и не сердится, что я сижу чуть впереди. Так я поступил только для того, чтобы защитить вас, если этот шельмец осмелится всё-таки напасть. И заметьте, что я сел по менее почётную левую руку, ибо мне располагаться справа от вас – непозволительная для меня дерзость.

И я очень надеюсь, что вы доверите мне провести допрос этого чучела. Есть у меня опыт... мне доводилось калякать с пленными, уча их тумаклами...

Алла согласно склонила голову и произнесла:

– Разумеется, любезный Кузьма Васильевич, допрашивать шаромыжника будете вы. Я не буду вмешиваться... – и она улыбнулась. – Но я полагаю, что обойдётесь вы без жутких сцен...

– Всё будет по мере надобности, – ответил ей Кузьма. – И доброе, и страшное...

И обратился слуга к Осокину:

– А теперь прилежно отвечайте: откуда вы узнали о нашем закоулке?

В начале своих объяснений Осокин усердно тараторил, но затем его речь стала внятной и плавной:

– Я оказался здесь только потому, что не досталось мне лучшего района для охоты за иконами... В мире всё поделили на доли, и самые жирные куски достались тем, кто способен на жестокость. И чтобы не отхватили, не отняли кусок, надо жестокость эту постоянно демонстрировать, надо калечить и давить. И хотя жестокие удалыцы вкушают всю сладость жизни, но живут они, как правило, очень недолго. Их убивают от страха перед ними. Их часто приканчивают для профилактики. Ведь угроза всегда порождает устремление погубить врага раньше, чем он тебя сгубит. Угроза вызывает хотенье предотвратить её, а значит, и ответную

угрозу... Мои беды – от пониманья этих истин! Я не хочу быть радикально жестоким. Я не хочу никому внушать страх, ибо я и сам не хочу чрезмерно опасаться... Такая жизненная позиция может показаться трусливой и вызвать презрение, но ведь я пережил очень многих из тех, кто сумел для себя отвоевать очень богатые охотничьи угодья. Но удача этих забияк сделала их самих боровой охотничьей дичью для конкурентов... Я не хочу рисковать, я ищу анонимности, и поэтому я довольствуюсь для скупки икон вашим захоlustьем... Иконный рынок свиреп... Я понимаю, что в вашем районе торговля церковными образами очень скудна, но ведь и риску меньше... Я уповал, что никого я здесь не спровоцирую на покушенья...

– Но спровоцировать нападение может и беззащитность жертвы, – вкрадчиво молвил Кузьма, – и нужно всегда учитывать это обстоятельство.

И вдруг Алла сказала обиженным тоном:

– В наших поселеньях, действительно, нет ценных икон. Но если не быть раззявой, то можно здесь прикупить ювелирные изделия и монеты из Эллады и Скифии. Ведь у нас тайно разрывают погребальные курганы. Здесь кочевали сарматы и гунны...

– И половцы, и хазары, и печенеги, – подхватил Осокин подобострастно. – Но у подпольных, чёрных археологов имеются свои иерархические кланы. И очень грозные, беспощадные у них традиции, уж вы мне поверьте. И я не стану

соваться под их лопасти, в их жернова. Искромсают и перемелют ненароком в раздорах... Вам известно моё мировоззрение... Мне просто некуда в этот сезон ехать за иконами... И вот я прикатил сюда в расчёте хоть на малый удой... Приехал я почти случайно, на авось...

И вдруг Осокин осёкся, а затем залопотал:

– Нет, я сюда не на авось приехал! Меня сюда влекла таинственная сила, некая чудесная власть, которая на меня издали влияла. Вот почему я здесь! И я блаженствую теперь от того, что я попал сюда! Ибо, чем доньше была моя жизнь? Дохлым прозябаньем одиночки! Я был одиноким, но не хищником, не прытким волком и даже не хорьком. Был я слизким червяком, которого может всякий раздавить подошвой... И вдруг я прямо сейчас, здесь, перед вашими очами, сурово-пронзительными у Кузьмы Васильевича, и пронзательными у вас, госпожа моя... только теперь я понял, что я, выбирая свой жизненный путь, совершил логическую ошибку. Ибо Кузьма Васильевич был прав, сказавши: «Беззащитность жертвы провоцирует нападение». И моё пленение здесь – великолепный урок мне! Хороший практический и воспитательный опыт!.. Зудели во мне тревожные чувства и странный страх... и не мог я себе объяснить причину этого... А меня мучила и томила моя логическая ошибка, которую я распознал только теперь... Возмечтал я прожить вне всякой иерархии!.. Я хотел быть вольной птахой, пичугой, но я забыл о кошкиных когтях... Невероятная глупость!..

И Осокин потрясённо всплеснул руками и замолчал, блуждая взором. Кузьма, поглаживая бороду, размышлял:

«Чрезвычайно он хочет, чтобы прониклись мы доверием к нему. Он – жалкая тварь, но всё же не насекомое. Наитием чует он лютую беду, и отчаянно изливает он душу в надежде на сочувствие. Он хочет, чтобы мы как можно лучше его узнали. Ничего мы не знаем о тараканах, и поэтому их давим без всяких колебаний. Но тяжело убивать домашнего кота, даже если он захворал бешенством... Чем больше узнаёшь заложника, тем слабее решимость его ликвидировать. И пришелец нутром чувствует это, и он исповедался, чтоб лучше его узнали. И, пожалуй, достиг он цели, ибо нет у меня прежней готовности делать ему зло...»

И вдруг Осокину показалось, что страх его начал постепенно улетучиваться; перестало спираться дыхание, прекратились спазмы в желудке, и глаза набухли от слёз облегчения...

«Кажется мне, что беду пронесло мимо», – подумал Осокин и не ошибся.

Действительно, опасность для пришельца миновала, ибо Кузьма решил его определить к себе помощником по хозяйству.

Кузьма начал намеренно считать, что хозяйственные хлопоты для него уже унижительны. Уже претило стирать бельё, колоть дрова и мыть посуду. Кузьма ведь смекнул, что хозяйева уже попали под его влиянье.

Кузьму нисколько не обременяла его внешняя почтительность к хозяевам; было ему даже забавно. Слуге забавно было наблюдать, как пыжатыя они от его подчёркнуто-почтительной заботы, от церемонных его поклонов и подобострастия. И Кузьме очень захотелось гордиться собою, но было для него такое невозможно, пока ему приходилось полоскать чужое бельё.

Стирку белья в обязанности Кузьмы вменил Чирков, который применил свою теории о развитии в людях послушания. Чирков предполагал, что если люди совершат по его воле отвратное и позорное деянье, за которое будут они бессильны простить сами себя, то будет их воля сломлена, и полная покорность ему, господину их, обеспечена.

В результате подобных умозаключений Кузьма и стирал бельё, поскольку при найме на службу возымел неосторожность высказать будущему хозяину своё отвращение к этому занятию.

Осокин уцелел только потому, что отчаянно хотелось бородатому слуге свалить на него свою должность прачки. И если б не это сильнейшее желанье, то Кузьма, со своим звериным чутьём к опасности, наверняка различил бы в Осокине грозные для себя качества, о коих тот и сам ещё не ведал...

И вдруг Алла по неизвестным ей причинам ощутила к прищельцу столь сильную ненависть, что она всхлипнула и зажмурилась. И столь была сильной эта её ненависть, что

показалась ей быстрая гибель Осокина чересчур лёгкой для него карой. Пришелец некоторое время ещё должен был пожить в лютых муках... И стала она воображать изощрённые пытки, которым она подвергнет омерзительного гостя...

Осокин заговорил вновь:

– Теперь я подумал о том, что имеются некие высшие силы, которые способны увлекать в неведомые дали или принуждать к поступкам, причины которых не сразу разгадаешь. Мне самому было не вполне понятно, почему я покатию именно сюда. Разумеется, мечтал я дёшево купить здесь ценные иконы, но это не было единственной причиной. Во мне была некая выпренность духа, и напрягались сладостно нервы, как при оргазме...

И вдруг стало лицо Осокина вдохновенным и страстным; пришельцу внимали с растущим интересом.

– Я чувю здесь особую благодать ауры. Здесь – оазис духа! Все, кого встретил я здесь, причислены к сонму элитных людей. Особенная стать, великолепная манера речи, пронизательные взоры. И место здесь будто нарочно создано для покоя и гармонии! Так и хочется здесь услышать идиллические мелодии оркестра, составленного из пасторальных дудочек, рожков, свирелей и лир!.. А я здесь, будто клякса на каллиграфии... Мне сладостно и страшно... Сладостно мне здесь пребывать, и страшит меня перспектива вернуться к прежней суматошной жизни... К тому суетному тусклому прозябанию, когда не хватает хотенья и времени поразмыслить

о судьбе, о карме... когда шарахаешься по зловонным подворотням, злачным баням и смрадным кабакам. В этой жизни плесневеет ум, заскорузлой становится душа... И ты уже не человек, но шныряющее тело. Ты – не человек, но рыскающая плоть... А мысли!.. Какие мысли у меня были в этой сутолоке?! Как обрести хибару для жилья, и где пожрать осклизлых пельменей? Кого облапошить, и кому фальшивку всучить?.. А здесь я спросил себя, ну кто такой, если я – не только тело?.. А какой была моя речь?! Путанная, корявая, со словами-паразитами и заиканьем... А как я заговорил здесь?! Речь моя теперь не зажата крамольными задними мыслями. Я здесь более не способен на бранные, матерные слова, которые прежде из меня вылетали холостой пулемётной очередью... Да!.. вы, право, необычные, чудесные люди!.. Разве мог я в прежней моей жизни так говорить? В себе я даже не подозревал способность так складно высказываться...

Последняя фраза почему-то убедила и слугу, и Аллу в правдивости Осокина. Псы тихо рыкнули, и Осокин присовокупил:

– Хочу я вам служить ретиво и резво. Не буду я брезговать самой грязной работой. Не прошу я денежного жалованья, дайте мне корку хлеба, воду и соль. Возьмите меня! Вы – такие необычные, возвышенные и роковые люди! Вы – кудесники, волхвы! Поменяйте мою задрипанную судьбу! И чересчур не труните за искренность...

Кузьма басовито промурлыкал:

– Мы тебя не отпустим, пока не убедимся, что ты не лазутчик. Улепётывать не пытайся отсюда: в загашнике у нас свора борзых собак. И есть у нас бездна преданных людей по всему окоёму. Ты станешь выучным негром. Ты будешь выполнять самую грязную работу: стирать исподнее, разбрасывать навоз в огороде и мыть до блеска и лоска нужники. Ежедневно будешь чистить курятник и псарню, таскать тюки. Не забудь о крольчатнике и голубятне... Но подозрение с тебя ещё не снято...

Алла, хохлясь, подумала:

«Ишь, какую вольность забрал себе Кузьма! Всё-то он сам решил... и хозяину доложить не удосужился!.. Прохиндей чёртов!.. Ох, как я ненавижу пришлого прощельгу!.. хотя он уболтал-таки нашего стремянного... Молодец!..»

Кузьма вальяжно встал и, подойдя к Осокину, стиснул его плечо; затем повелел пришельцу:

– Встань и последуй за мной. Я покажу тебе дом, хозяйство и изложу твои обязанности.

Осокин с готовность вскочил и ушёл следом за Кузьмой. Об Алле они оба забыли впопыхах...

Алла сидела в кресле и размышляла:

«Кузьма явно воспарил, вознёсся... А ведь он должен был хотя бы из вежливости испросить моё согласие на свой уход. Скоро все мы, домочадцы, будем хором слуге подпевать. Станем его эхом... Как всё это мне пресечь?.. С дядей пого-

ворить?.. Нельзя, пожалуй... От успехов у дяди мозги слегка набекрень. Предостережения мои дядя может обозвать бабскими страхами и чепухой... У Кирилла больше здравомыслия и трезвости. И он – не сплетник. Я посоветуюсь с ним...»

Она озабоченно вздохнула, встала с кресла и вышла...

Кирилл сидел у распахнутого окна в своей комнате и полировал пилочкой ногти. Окно было снабжено сеткой от мух... Он был в чёрных шёлковых брюках, в коричневых мягких туфлях и в сиреневой рубаше с зелёными клетками. Серый кушак валялся возле его кресла на паркете... Иногда Кирилл посматривал в сад и недовольно морщился...

«Всё в усадьбе не завершено до конца, – размышлял он, – не доделано. Захламлены сучьями тропинки в саду. Кусты и деревья не острижены. И в доме нигде приличного интерьера нет...»

И Кирилл начал озираться; ему не нравилась отведённая ему комната. Его раздражали голубые с искрой обои и жёлтая кожа на мягкой мебели. На полу лежал дагестанский ковёр с такими сложными и пёстрыми узорами, что у Кирилла рябило в глазах. В углу урчал телевизор с католической мессой на экране. Постель была из резного морёного дуба, и шевелился над нею под сквозняком бледно-розовый полог из кисеи. Средину комнаты занимал чёрный увесистый стол, на котором лежали кипы журналов и газет. Беспорядочно были расставлены кресла и стулья...

Кирилл оглянулся на дверной скрип и увидел Аллу; она плотно притворила за собою дверь.

– Я тебе не помешаю? – спросила она и подошла к нему.

Он, не вставая, сказал:

– Садись и не церемонься. Чиркова здесь нет. Он сочиняет в своём кабинете очередную мистическую белиберду. Сиречь, развивает он своё духовное учение. А коли так, то обойдёмся мы без ритуалов древне-языческого, якобы, стиля.

Она перенесла кресло от стола к окну и села супротив Кирилла; тот витийствовал:

– Я чрезвычайно уважаю Романа Валерьевича! У него всегда уйма идей, но ему вредит амбиция. Ведь он считает себя способным – и даже обязанным – всё решать самому. И в результате в особняке нет удачно мебелированной комнаты. Роман Валерьевич и садоводством занимался, и шлюзами на озере. Даже прививал черенки к виноградным лозам. И в итоге наш сад настолько зарос, что в нём почти дебри. А озеро в иле. И где же новые сорта винограда?.. Окрестные каменные амбары и сараи, до коих хозяйские руки никак не дойдут, превратились в трущобы. Руина часовни мне глаза почти до бельма намозолила... Мы ничего не можем сделать без его соизволения. Бесспорно, когда общество наше было малочисленным и узким, такой патриархат был уместен. Но ведь теперь положение изменилось. Нельзя одновременно заниматься вопросами вероучения и травмами племенных кобыл при родах жеребёнка! Благодарение небесам, что он ещё не увлекается акробатикой, эквилибристикой и жонглированием на канате!.. Тебе не претит слушать

то, что я балаболю?..

– Нет, – ответила она, – ибо сказал ты много справедливого. Балакай дальше.

– Роману Валерьевичу нужно делегировать свои полномочия. А он явно этого не хочет. Я однажды просил у него разрешения на замену интерьера в этой комнате. – И Кирилл несколько мигнов вращал руками. – Убранство здесь аляповато и карикатурно. Я не просил ассигнований или субсидий. Я обещал сделать ремонт за счёт своих капиталов.

– И что же он?

– Надулся, как пузырь, и скуксился. Никак не может примириться он с тем, что нет у него художественного вкуса. Никак не расстанется с прерогативой давать указания по отделке теремов, нор, хижин и халуп. У него бзик на дизайне, пусть даже это затхлая конура... Я – не брюзга. Пойми меня правильно. Наше храмовое сообщество уже переросло патриархат. Один человек уже не способен контролировать процессы в нём, а значит, не может эффективно управлять. Нам уже требуются собственные бюрократы, ревизоры, бухгалтера и коллегии... Единоличная власть должна в небытие кануть, иначе – кавардак...

– Да, – согласилась Алла, – дядя более не может мотаться по всем нашим инстанциям, дабы контролировать их: они уже слишком многочисленны.

– Верно! Единоличная его власть будет неизбежно перетекать к соратникам, и надо, чтобы струилась она именно

к нам. Такие процессы скоро начнутся, и важно их направить в нужное русло. Разумеется, нельзя Чиркова лишать его мессианской уверенности в себе. Абсолютная покорность паствы объясняется именно этой неколебимой его самоуверенностью. Нужна изошрённая и толковая игра в тех процессах, которые грядут... И будет прок!.. Не допустим ералаша в нашей церкви!.. Но не будем и афишировать наши свары...

И Алла медленно произнесла:

– Эти негативные процессы уже грянули. Власть Кузьмы больше не соответствует его статусу прислуги: она у него гораздо больше. И власть эта реальна...

– Почему ты так решила? – встревожился Кирилл.

– Мы допросили пришельца, Илью Осокина. Вернее, допрашивал только Кузьма, не давая мне даже реплику вставить. И слуга сам, единолично, ни с кем не советуясь и не испросив соизволения, решил судьбу Осокина, который, кстати, не глуп. Кузьма ведь уже не сомневается, что его решения будут одобрены. Пожалуй, так и оно будет, ибо дядя в последнее время не перечит Кузьме. А все эти поклоны, подчёркнутая почтительность, елейные фразы – не более чем рисовка. А будь у нас чиновный аппарат, то разве допустил бы он влиянье лакея Кузьмы на официального главу церкви?

Они помолчали, и вдруг Кирилл прыснул смехом и произнёс:

– А ты всё чопорнее ведёшь себя с пронырой Кузьмою.

Раньше была ты с ним сердечнее. Но этот ханжа, обретя влияние, начал вожделеть к тебе...

Алла встрепелулась и побледнела; накануне она заметила вожделенье слуги к ней и пару раз даже глянула на него кокетливо. Но затем необъяснимая тревога полонила её всякий раз, когда Кузьма был рядом, и начала Алла избегать его... Ей поначалу казалось, что она брезгует им, и только теперь она осознала, наконец, свой страх перед слугой. Она всполошённо спросила:

– А знаешь ли ты прошлое Кузьмы? Откуда взялся он?

Кирилл задумчиво ответил:

– Появился он больше года назад в моё отсутствие. Я впервые узрел его на веранде в конце зимы в этом доме; он уже был личным слугою Романа Валерьевича и ходил экзотически с кинжалом. Пару раз я видел его с саблей... или черкесской шашкой... я плохо разбираюсь в холодном оружии... Роман Валерьевич сам нанял его на службу... ни с кем не советуясь... Кузьма был чрезвычайно учтив, и бляял он благоговейно, как агнец перед соском матери. Относился к Роману Валерьевичу, как к божеству или архангелу... А где, Алла, была ты, когда появился здесь этот экземпляр?..

– На горной курортной базе «Плеяды». На санках и лыжах я с круч каталась.

После обоюдного молчанья Алла спросила:

– А как ты думаешь, Кирилл, что удерживает здесь этого человека? Завидное жалованье? Но мой дядя – скряга со все-

ми, кроме меня. Привязывает почтение к самому Роману Валерьевичу?.. Я не спорю, умеет мой дядя вызывать восторги, но только у тех, кто не общается с ним повседневно и тесно. Эти люди им не восхищаются. Дядя в быту отнюдь не подарок: он капризен, привередлив и обожает кропотливо и до тошно влезать в чужую душу. И с этой человеческой душой он шалит и проказничает... А что тебя удерживает здесь, Кирилл?

– А тебя? – ответил он ей вопросом.

– Со мной дело ясное: я – круглая сирота с тринадцати лет. После гибели родителей на войне. И дядя моё образование оплатил. А оно было дорогостоящим и престижным. И он содержал меня так, что все мои подруги и товарки завистливо бухтели...

– Он бывает щедрым только с тобою, – встрял Кирилл. – А с прочими скупердяй, сквалыга...

– Да, несомненно, ты прав. Но мне-то пенять на него нечего. Он меня ни разу не обидел, не попрекал дармовой коврижкой. Карманных денег у меня всегда было в избытке. И он – мой кровный, родной дядя по матери. Мне незачем покидать его... И некуда мне деться... У тебя же, Кирилл, иные обстоятельства... И есть у тебя выбор!

– Возможно, что он и есть!.. Я ведь теперь богат, поскольку я успешно вложил деньги в компании по транзиту баллонов сжиженного газа и в магистральные трубы транспортировки нефти. Удачливым я был в финансовых пирами-

дах и аферах. Я теперь обладаю дорогими и ликвидными акциями рудного сырья и металлургии. Я крупный пайщик золотой шахты... Мне очень порадел мой папаша, который был государственным и партийным боссом. Он был заметной шишкой... даже скалою... В шкафу он хранил генеральский мундир с золотыми звёздами на погонах... имел уйму орденов... Папа заслужил свои роскошные похороны... У меня дача на самом престижном месте... Но, к сожалению, дело-то всё в том, что успехами этими обязан я отнюдь не самому себе, а только отцу. До распада Империи он был шефом её потаённых, теневых финансов. И мои успехи – не более чем отрыжка его прежней власти...

– А я не знаю, мой Кирилл, как бы я поступила, имей я твои возможности. И я завидую тебе: у тебя есть выбор....

– А если это не выбор, но иллюзия его?.. Знаешь, ты мне симпатична. А теперь вот послушай забавный парадокс: никогда я тебя не полюблю, ибо я для тебя – завидный жених. И ты не прочь со мной под венец...

Алла протестовала:

– Нет, ты уж поверь мне, совсем нет. Я ведь не стремлюсь к аналою тебя затащить...

– Не тушуйся. Дело житейское!.. Отец хорошо меня понимал, и я верю ему абсолютно... Он был источником моего финансового благополучия, пока не иссяк, померев. И его заветы на смертном одре запомнил я дословно; я даже записал их в тетрадь, где прочие его афоризмы, наставленья...

Квельый и дряхлый отец мне сказал: «Никогда больше не занимайся денежными оборотами: тебе не преуспеть на этой стезе. Бог тебя обделил умением стяжать и богатеть. И в компании с другими финансовое поприще не для тебя. Твои же товарищи по этой сфере облапошат тебя, как лопуха или лоха... И должен ты навеки запомнить, что ты, полюбив женщину, непременно станешь для неё отличной дойной коровой до полного истощения вымени, сиречь кошелька. Романтически-искренняя любовь не для тебя, ибо обдерут тебя, как кору на лыко. Женись только на той, кто разбогатела самостоятельно и не нуждается в твоих деньгах. Такая женщина, возможно, не станет тебя обирать до нитки... И не погонит из терема в хлев... Но чтобы такая женщина прельстилась тобою, не должен ты быть банальным бирюком, каков ты теперь. Я тебя не оскорбляю, но трезво оцениваю... К счастью, у тебя есть... я не скажу достоинство, но особенность, которая может тебя выручить... избавить от прозябанья... Ты родился фантазёром и чистым сказочником, но тебя заразила и исковеркала принадлежность к элите. Ты похож на свою мать, но менее упорен и устойчив... А теперь запоминай... Секретные службы в недрах своих разработали методику исключительно эффективного влияния, как на каждого человека порознь, так и на толпу. По сути: методика гипноза наяву... для разведки и вербовки... Но группу, которая занималась всей этой психической магией, разогнали по дурасти... И теперь члены группы занимаются чёрт знает

чем. Работают психотерапевтами. Лезут в колдуны и ясновидящие. Баб морочат махровым психоанализом. Шаманами и волхвами прикидываются. Но самые умные и даровитые, а потому и чрезвычайно честолюбивые, создают вероучения и секты. Благо, сотворили научную методичку и для такого дела. Ведь планировали наши стратеги создавать подрывные секты и в тылу, и на флангах вероятного противника».

Кирилл хмыкнул, помолчал и присовокупил:

– Я записал эти предсмертные изречения отца, а затем почему-то вызубрил их наизусть. Ещё отец сказал перед смертью: «Есть некий Роман Валерьевич Чирков. Он уже начал создавать новое богословие. И ты примкни к этому человеку. Будь его клеветом, адептом... будоражь его честолюбие... Торопись, пока ты ему нужен своими деньгами и связями. Но скоро он не будет нуждаться в таких, как ты... Внушай ему идею не ограничиваться сектой. Пускай он создаёт новую религию и свою церковь... В соитии с ним сделаешь ты карьеру, и ты перестанешь быть ничтожеством, если окажешься в сонме жрецов и верховных иерархов новой религии... И станут женщины тебя любить бескорыстно, как припешника пророка. Гуськом побегут за тобой целомудренные красавицы... А ты способен его подстрекать, подзуживать. Но ты пригоден только на это. Поэтому не зарывайся, не рыпайся и не возносись... И запомни его имя: Роман Валерьевич Чирков... Стань для него тетивою от ордынского лука...»

И Кирилл утомлённо умолк.

– Вот оно что, – произнесла она.

– А теперь ты решай: есть ли у меня выбор? – сказал он.

Алла крайне удивилась этим его неожиданным речам, и она призадумалась... Она считала практичным и выгодным своё супружество с ним. Она ясно понимала, что никогда его не полюбит, но не был он ей противен. Он был смазлив, прекрасно образован и хорошо воспитан; суждения его отличала разумность. И Алла знала, что он богат, и она невольно думала о своём вероятном супружестве с ним. Порой стыдилась она этих своих расчётов, но только самую малость...

На сретенье исполнилось ей двадцать семь лет, и было бы очень странно не думать ей о замужестве. Наступила самая пора создавать ей собственную семью, а не зависеть от причуд капризного дяди. И она всё более склонялась к тому, чтобы увлечь Кирилла за собою под свадебный венец, став законной женою богача...

Но он ясно дал ей понять о своём нежелании жениться на ней. Он ей говорил, что никогда её не полюбит. Она-де рьяно у него будет кланчить деньги; отец ему завещал никогда не жениться на такой женщине. Было Кириллу предначертано жениться лишь на богачке, которая преуспела только благодаря самой себе. Такая женщина не позарится-де на имущество и деньги своего мужа...

И Алла вдруг поняла, что он не отрешится от заветов мёртвого отца. Ведь Кирилл записал эти заветы, и он вызуб-

рил их, как мусульманин Коран. И талдычит благоговейно их наизусть без всякой запинки...

«Мертвец управляет им, – огорчённо размышляла она. – И если не получилось у меня супружество с ним, то поскорее мне надо забыть об этом моём желании. И, разумеется, нельзя мне Кириллу выболтать брачные мои планы, иначе я буду унижена».

И страстно ей захотелось язвить и мучить его за то, что отказался он на ней жениться. Она посмотрела ему прямо в глаза и молвила:

– Неужели ты всерьёз собрался неукоснительно следовать заповедям мертвеца? Очень похоже, что именно так и будет. Мёртвый отец прочно в тебе засел. Ты начертал на бумаге его заветы и столь их крепко запомнил, будто они – долгожданные плоды твоих собственных мучительных раздумий. Даже малейшего труда не стоило тебе их запомнить, ибо их впитала твоя душа, как солончаковая степь долгожданный дождь... А теперь твой отец – не более чем обглоданный червями скелет...

– Мой отец был величайшим мудрецом, эрудитом и финансистом, – прервал он её. – И правил мой отец потаённой банковской системой всей Империи...

– Которая развалилась от нищеты и долгов, – насмешливо процедила Алла, и он не возразил ей.

И вдруг ей показалось, что внутренне она преобразилась и стала более умной, зрелой и проницательной. Алла гово-

рила, озарённая мстительным вдохновеньем:

– Пойми, что тебя уже нет, но отец воскрес в твоей личине. Не был он гениальным финансистом, но просто сумел он хапнуть дольку достояния Империи. Его банкротство было бы неизбежным в конкуренции с нынешними банкирами. Кому об этом лучше знать, как не ему, ведь пестовал их он сам. И они убивают борзо, не колеблясь. Они набрали ретивости. С этими бандитами лучше не связываться... А в одиночку не сохранить украденное у страны достоянье. И поэтому твой отец сделал ставку на новую религию. Ведь знает он могущество потаённых знаний, взвесил он шансы и уповаet на успех... А где его жена, твоя мать?..

– Давно умерла от рака костного мозга. Отец добился, чтобы похоронили её в столичном монастыре возле древней шатровой церкви. Респектабельное и почётнейшее место погребенья!..

Она с иронией сказала:

– Даже смерть матери твоей использовал он для рекламы своего могущества. И твоими устами бахвалится он роскошью тризны... Не спорь...

Она чувствовала, что язвит его, и сладко упивалась этим. Он произнёс уныло:

– Чёрт его знает!.. Мы теперь живём в иллюзорном мире. Порою мне кажется, что мы сбрендили. Разве не бред – создавать новую религию?! Дурача других, мы стали безумцами. И я почти готов поверить в твою версию о мёртвом отце

во мне. И не хватает только лёгкого толчка... знака... У нас теперь крайне неустойчивая психика в этой дурманной атмосфере... Разве не так?..

Алла, не ответив, подумала:

«Глупо мне ссориться с ним. Конечно, я унижена прямолинейным отказом жениться на мне. Но решение бывает окончательным очень редко. Всегда возможны варианты, если не прекращать усилий... И нужен мне в этом доме союзник для борьбы с Кузьмой; слуга обретает слишком большое влиянье. И поэтому мне нет резона ссориться с Кириллом. И мне нужно его успокоить, убаюкать...»

И она ему сказала:

– Не сердись на меня, Кирилл. Я вздор молола. Ты прав: стала неустойчивой наша психика. Нам нужно теперь быть опорой и соратниками друг другу. Ссора между нами – роскошь... Ты прости, если обидела. Нервы расшатаны... Неужели меня не простишь?..

Он пробурчал с улыбкой:

– Разумеется, простил я тебя.

Одновременно они встали, и Кирилл церемонно проводил её до дверей...

6

Алла вошла в свою комнату и перетащила дубовый стул от купеческой конторки к окну...

Сидя у окна, она размышляла:

«Я – форменная дура. Мне хочется теперь выть от досады на себя. Ну, кому были нужны мои психологические изыски и выверты? Пусть разгадала я духовную сущность Кирилла, но зачем мне такое знание? Мрачное вдохновение полыхнуло и хлынуло вдруг, и я, осенённая им, явила чудеса пронизательности. Но я лишилась дружбы и приязни потенциального моего союзника, Кирилла. Догадалась я о коварстве и властных амбициях Кузьмы. Но что принесут такие открытия, кроме опасных для меня приливов моей мятежности? Ведь у меня есть склонности к бунту!.. Без этих моих склонностей не пролились бы на Кирилла ушаты позорных для него истин. А что мне сулят открытия в личности моего дяди? А если вдруг я пойму, что душа его заиндевела, покрылась инеем, изморозилась, и что пафос его – ложный? Пойму, что нет за душой у него ничего, кроме стремленья потешить своё честолюбие, ублажить тщеславие? Что будет со мною, сели я пойму всё это?.. И как со мною поступит дядя, если он осознает, что я постигла его сущность?..»

Алла понимала, что нужно ей спешно уведомить дядю о самовольстве Кузьмы. Нельзя слуге принимать важное ре-

шение без согласия своего хозяина!.. А Кузьма дерзко осмелился принять такое решение, самолично решив судьбу пришельца. И Алле нужно поторопиться, чтобы первой рассказать хозяину о самовольстве слуги. Если у хозяина в сознании будут уже гнездиться её трактовки и версии событий, то предстоит слуге очень сильно потрудиться для своего оправдания. И доверие к лакею будет основательно подорвано... У тех, кто оправдывается, всегда склонны подозревать вину... И поэтому нельзя было позволить Кузьме первому истолковать хозяину своё самовольство, но Алла, понимая всё это, мешкала...

Она воображала последствия гнева дяди; она страшилась, что не сумеет она скрыть свою внезапную неприязнь и к нему... И разгневаёт его неблагодарность племянницы, и начнёт он карать...

А кто она такая без его милостей?.. Она – квалифицированный юрист с дипломом столичного университета. Она окончила престижные бухгалтерские курсы. Получила аттестат профессионального бухгалтера. Она безупречно ведёт канцелярию дяди: регистрирует корреспонденцию и депозиты, составляет финансовые отчёты для фискалов и мытарей, оформляет его право собственности на жертвенные участки земли и недвижимое имущество. И получает очень хорошее жалованье...

Но уже нет иллюзий!.. Дядя готовил её для служенья самому себе!.. Как своё орудие!.. И не позволит ей покинуть его,

ибо слишком много тайн ей доверено... И он решит, за кого ей замуж выйти...

И если вдруг она прогневает его, то превратят её в безумную фанатичку, каких много в их секте.

Дядя пока не принуждает её исповедовать новую религию, пророком которой он стал. Для продвижения его дел в судах и администрациях нужен ему ясный разум племянницы. Но что с нею будет, если вдруг он во гневе решит, что в ясном её рассудке нет ему больше надобности?..

Алла уже не сомневалась в последствиях его гнева. У неё беспощадно нивелируют сознание, превратив её в бесправное обезличенное существо. Дядя выдумал для этих существ уничижительные термины: «Бревно, колода, оглобля, полено и пень...» И все эти термины связаны с лесоповалом...

Безграничная власть над сектантами всё более дурманит рассудок дяди. Разве это не признак сумасшествия: считать бродячего торговца лазутчиком?.. Дядя всё более непредсказуем и страшен... И вот теперь на него может повлиять Кузьма, и она больше не сомневается, что сей окаянный слуга использует своё влияние против неё. Ведь фавориты всегда очень ревнивы...

И всё-таки дядю она не покинет, ибо нигде не будут воздавать ей такие почести, как в его секте. Ведь Алла – кровная родня их кумира, идола. Кладут ей земные поклоны, благоговейно лобзают её руки... и она рада ощутить на себе отблеск его нимба. И она уповает на то, что унаследует она по-

сле его смерти его власть. И ради упования этого готова она к борьбе и самому страшному риску...

В своей комнате хмурый Кирилл распластался в кресле у окна и мысленно ругал себя:

«Я – остолоп, олух!.. Ну, зачем я говорил Алле, что никогда её не полюблю и не женюсь на ней? Я ведь теперь чувствую, что хотела она выйти за меня замуж, а я опрометчиво и оскорбительно отверг её. А ведь брак с нею выгоден мне... И разве я теперь не вождедею к ней?..»

У него не было до этих мигов чувственного влечения к ней, и вдруг оно появилось... Она вспомнилась ему, освещённая фарами его автомобиля. Был поздний весенний вечер, моросил дождь. Около руин часовни стояла она в светлом платье, прилипшем к телу. Платье было в чёрных мелких крапах, влажные длинные волосы кутали плечи. Она крестилась. Он вылез из салона автомобиля и подошёл к ней; фары оставались включёнными. Она посмотрела ему в глаза и отпрянула. Затем коротко ему кивнула и, не сказав ни слова, ушла по тёмной аллее прочь. И он тогда подумал: «Какая у неё щемяще-хрупкая фигурка!..»

И теперь, глядя в окно, он поразмыслил о её внешности: «Алла красива... Лицо эротически нервное... Руки холёные и безупречной формы. Она хорошо сложена...»

Затем он припомнил её за компьютером: серьёзную, сосредоточенную...

И вдруг он удивился тому, что он раньше к ней не вожделел.

«Чрезвычайно странно моё отношение к ней, – подумалось ему. – Почему я прежде не пытался её соблазнить? Ведь я совратил уже многих прелестниц... Почему она доселе не влекла меня к себе, как женщина? И почему вдруг именно теперь начал я болезненно и страстно к ней вожделеть?..»

И на эти вопросы не находил он ответа...

Возле конюшни, стога сена и навозных ям Кузьма усердно наставлял Осокина:

– Жеребцы у нас лягают и брыкаются; они здесь норовистые. Раздробят челюсть, искрошат зубы. Или копытом проломают череп. Не зевай... и береги навоз... Им посевы удобрять будешь. Хозяин любит овощи и ягоды с собственных огородов и парников. Изволь в поместье соблюдать высшие критерии гигиены. Не допускай вони в конюшне; чистоту поддерживай там стерильную. Нужно холить инвентарь и тщательно драить стойла... Присматривай за ригой, сараями и овином... Есть за лужком пчелиные улья, но пасека – не твоя забота, там – особый человек, специалист... Бузить я тебе не советую. И не помышляй стрекача дать отсюда, драпануть. Хоть мой хозяин респектабельный, солидный человек, но овчарки у нас натасканные, дрессированные... Далек не смоешься... А если всё-таки улизнёшь, то знай: контора у нас серьёзная. Верховные власти её поддерживают, опекают... Тебя в момент сыщут... даже в пучине вод на полюсе земного шара... И сурово тебя накажут в назиданье другим... для урока прочим строптивцам... Тебе могут устроить показательную смертельную аварию, катастрофу на шоссе-трассе... Но не тушуйся... карьеру пытайся у нас сделать... Если ты будешь ретивым, верным и резвым батра-

ком, то, возможно, избежнешь самой плохой участи. Старайся рьяно и прилежно работать... без нареканий и претензий к тебе... Не будь лодырем!..

И Осокин пылко ответил:

– Я буду усерден и послушен, как инок в монастыре! И вы для меня теперь, как игумен. И поверьте мне: отвергаю я с радостью суету столичной жизни. Я отрицаю прежние идеалы и жизненные цели.

– Тогда мы поладим, – поощрительно произнёс Кузьма, – и я не стану тебя шпынять чрезмерно.

– Я буду счастлив!

– Но знай: с тебя не снято подозрение в шпионстве.

– Заслужу доверие! – воскликнул Илья.

– Пойдём во флигель с башенкой. Там флюгер на мачте. Дам тебе инструменты, робу и фартук. Вкалывать начнёшь прямо сейчас. Моим соседом станешь по флигелю: там есть коморка для тебя. Учти: я вечером собак выпускаю...

– Счастлив заботой вашей!

И пошли они через сад ко флигелю...

Стремительно в комнату Аллы вошёл Чирков; его синий костюм и белая сорочка были измяты от лежания на диване. Алла вскочила и нервно улыбнулась дяде; борзо он прошагал к окну, возле которого она стояла, и цепко схватил её руку. Затем он раздражённо молвил:

– В чёрный балахон ты обрядилась. И, без сомнения, облачилась ты в чёрное только для того, чтобы казаться суровой на допросе нашего пленника. И как допрос?

– Он закончился.

– Это я сообразил. Я в кабинете корпел над записью речи, произнесённой намедни экспромтом... И вдруг я узрел в окно интересную парочку: Кузьму и нашего юркого пленника; они направлялись на хозяйственный двор. И мирно беседовали!.. Их речей разобрать было нельзя, но жесты и позы Кузьмы не были угрозыливыми. А фигурка его собеседника источала такое подобострастие, что меня едва не стошнило. Я вообще-то уже привык к раболепию, но, пожалуй, Кузьме не по чину требовать его для себя.

– Ещё как не по чину, – поддакнула Алла.

– Всё мне обрисуй, – потребовал хрипло он, – и не мямли. Почему этот дрянной Осокин, заподозренный лично мною в шпионаже, не замурован в сыром подвале, а притко шляется по усадьбе?

Алла, осклабясь, ответила:

– Нам теперь часто предстоит его лицезреть. Ведь Кузьма самолично определил его к нам на службу.

– Как самолично?! – рявкнул Чирков. – Да кто он таков!

– Уже и не знаю, – ответила она. – Когда-то он был слугою...

– А теперь кто?

– Затрудняюсь я сказать. Вероятно, теперь он – ваш фаворит. Или себя таковым возомнил.

Чирков отпустил её руку и сел на диван; Алла, помедлив, расположилась рядом. Их плечи и колени соприкоснулись, и Чирков молвил:

– Я удручён. Перед решающим делом вырвался я на отдых... мне нужно восстановить истощённые силы... И здесь я расслабился. И слуга почуял это... Простить мне его или нет? Простую взбучку ему задать, или к крайним мерам прибегнуть?

Они замолчали на пару минут; наконец, Алла спросила:

– Откуда взялся Кузьма? И как его надыбали? И чья была рекомендация?

Чирков хмуро отозвался:

– Никто ему не протезировал. Я случайно познакомился с ним на левом берегу Дона... в затхлой пивнушке с кучками мусора и размалёванной дешёвой косметикой продавщицей.

Чирков умел увлекательно и вдохновенно рассказывать, и знал это. Его устные рассказы завораживали, но не было

у него дара положить их на бумагу. Они получались у него на бумаге вялыми и скучными... Алла пару раз записала их по памяти, и дядя остался доволен. И теперь он часто рассказывал племяннице эпизоды своей жизни...

– Поведайте о знакомстве с Кузьмою подробнее, – попросила она.

– Изволь, коли тебе интересно. Минувшей осенью оказался я по делам в городе, где кончил медицинский институт. Персональный мой шофёр заплутал в закоулках, и застряли мы возле нахичеванского базара. Я вышел из машины, и будто не было моих тридцать лет. Я словно оказался во времени моего отрочества. Те же замаранные трущобы и халупы... и тот же магазин, где мы студентами-медиками покупали фруктовое вино, прозванное «бормотухой». Магазин был открыт, и я вошёл в него. Ничего не изменилось со времени моего иночества: всё так же сумрачно и пыльно... и запахи дешёвых вин словно застряли навеки в этих стенах. У меня глаза набухли от слёз. И снял я торжественно шляпу, и чуть было я не поклонился белесой пухлой продавщице, которая была чрезвычайно похожа на здешнюю работницу прилавка из моей юности. Нахлобучил я шляпу набекрень и ушёл из сумрачного закутка... Затем я оказался в книжном магазине нахичеванского рынка, и там я случайно услышал разговор, что одна из продавщиц работает здесь уже тридцать лет. Я в молодости покупал здесь немало книг, и я опять приобрёл здесь пару томиков. Я вышел на улицу, знакомую

до надсада... И только на трёх фасадах штукатурка была обновлена... И я поехал на левый берег Дона, где я студентом часто блукал...

Он грустно улыбнулся и продолжил:

– Шофёра и машину я покинул на стоянке возле моста. И я набрёл на эту пивную. Осень была, как царственная рыжая Клеопатра. Я был в белом стильном костюме... вещи на мне были неброские, но очень дорогие... А мне захотелось, чтоб оказалась на мне потёртая вельветовая куртка, в которой я любил здесь бродить... На столике меж акаций я грыз красные панцири раков и пил горькое пиво соломенного цвета. На земле вокруг меня валялась скорлупа яиц. Серая кошка с куцым хвостом мяукала поодаль. И вдруг появился Кузьма, и он подсел ко мне. И продавщица мигом притащила ему две запотевшие кружки с пивом и жирную воблу на белом блюде. И мы разговорились, и я заказал бутылку водки с сургучной печатью и балыки... Борода у него ещё не отросла, была только щетина. Он покусывал и тербил стебли каких-то трав. И был он в синем джинсовом костюме и в чёрном кепи.

– И что он рассказал о себе? – спросила Алла.

– Его жизнь не была триумфальной. Окончил деревенскую школу, играл в самодеятельном театре. И поступил в театральный институт, преодолев огромный конкурс. Прочили ему будущее великого артиста-трагика. Выгнали за прогулы и драки. В армии совершал рейды по тылам вра-

га. Убивал и калечил. И был настолько успешен, что приняли его в военное училище, и стал он офицером. Очередная война. Жениться он не успел... Во время отпуска проигрался до нитки в казино. И продал зенитные ракетные комплексы. И вышвырнули его из армии. И благодарен он Богу, что чудом избежал трибунала... В театре играл за мизерное жалованье. И трагедии он сочинял с рифмами. И незаконно торговал спиртным, и купил себе квартиру. И нагрёб на себя беды. В долг он загрузил четыре фуры водки для продажи её на морском побережье. Конфисковали его колымаги с водкой в Адыгее. А долг на нём висеть остался. Продал квартиру, но выручки за неё не хватило сквитаться. У него оказались кровные враги с кавказской войны, они и водку ему в долг всучили. В финале его искромсают на левом берегу Дона. И любые финты бесполезны. Теперь он бездомная финтифлюшка судьбы. Обитает в шалаше при бахче. Кредиторы знают, где его искать. А сюда пришёл он посмотреть на возможное место своей лютой казни. Постоянно кредиторы убивают должника именно здесь, чтобы не везти его далеко и долго в багажнике. Именно здесь, на этом месте, возле пивной они убивают... Об этом писали в газетах с публикацией фотографий этого места... Таков преступный подчёрк заимодавцев. Утром приходят сюда бродяги опохмелиться, а здесь бригада милиционеров шурует над новым изувеченным трупом. И опять в городе кишат кошмарные слухи, а должники аккуратнее платят ростовщикам... Кузь-

му должны были убить именно здесь... И он пришёл глянуть на это место... Срок уплаты его долга истекал в ближайшую полночь...

Она поперхнулась и вскрикнула:

– Кошмар!

Он увлечённо повествовал:

– Я вообразил себя в его положении, на его месте. Ну, вот я знаю, что приволокут меня нынче ночью к этой пивной, где я сейчас погожим осенним днём кушаю балык и раков после чарок водки. И, хлебая пиво, я прикидываю, как из меня будут вырезать ошмётки мяса...

Она, спросив, перебила его:

– А разве он не пытался скрыться?

– Я поинтересовался этим. И он ответил, что обложен кредиторами, как волк красными флажками. И стрелки-охотники на номерах. И он указал мизинцем на их красный автомобиль поодаль... И к чему длить его бесплодную жизнь?.. ведь она – мусор, сумятица, дребедень... А я решил, что я, вызволив его, обрету вернейшего слугу. Ведь ему некуда деваться, кроме моего дома...

Она подумала:

«Опасно, если деваться некуда!.. Теперь Кузьма пытается превратить дом, где ему дали приют и пищу, в свой собственный дом... Причалил в нашу гавань и хочет её присвоить... И стал для меня загвоздкой...»

Чирков говорил:

– Охватил меня азарт, захотелось рискнуть, и я предложил Кузьме план спасенья. И Кузьма, профессиональный военный, слегка скорректировал план, а затем любезно расплатился с буфетчицей. Он ушёл в город, где сумел оторваться и скрыться от шайки жуликов. Я забрал его в свою машину в условленной точке возле северного моста. Доставил сюда и справился приватно об его истории: она оказалась достоверной. Я уладил его дело, заплатив долги; оказались они плёвыми по моим меркам и масштабам. Разумеется, в этом случае я заботился о собственной безопасности: Кузьма не должен притягивать ко мне своих врагов, как магнит и живая мишень. Кузьма потребуется мне в процессе акции. Мой слуга ещё не знает, что я решил его проблемы. Себя он считает подпольщиком, нелегалом... живёт тихой сапой...

Алла медленно встала с дивана и, подойдя к окну, спросила:

– Могу ли я подробнее узнать о вашей акции?

Он призадумался; она терпеливо ждала... Он ничего не ответил бы ей, если бы не надеялся, что она запишет его речь на бумаге. Ведь Алла уже записала на бумаге пару его устных рассказов, и получилось это удачно. А если он сделает Аллу своим летописцем и биографом? Ведь Конфуций, Сократ и Эпиктет сами ничего не писали, они поучали устно. Но их воззрения и мысли записали ученики. Так пусть теперь и Алла превращает его устные суждения в книги, ведь

есть у неё литературный дар...

Но разве ему не опасно рассказывать ей о своих тайных планах? Ведь женщины болтливы и взбалмошны!.. Но уместен вопрос, что важнее в жизни: свершить великие деяния или полностью раскрыть свой духовный мир? После телесной смерти душа остаётся в деяниях и словах. Но души не останется, если деяния и духовный мир не описаны словами...

Он не способен написать ни стихи, ни прозу... А любопытно: почему?.. Ведь он хорошо образован и красноречив... Но в его интеллекте есть некий крен, не позволяющий писать на бумаге. А если эта кара Божья?.. Но за какой именно грех?..

И вспомнилась ему психиатрическая клиника, где он служил до распада Империи. Припомнил он искажённые ужасом лица перед инъекциями парализующих препаратов. По узким и длинным коридорам ражие санитары тащили пациентов на жестокие процедуры. А ведь клиенты клиники не были зачастую сумасшедшими, но велел их считать безумцами властный режим Империи...

Чиркова не мучила совесть, и себя он считал солдатом на фронтах психиатрии. Он, не колеблясь, ставил на человеческом материале фундаментальные эксперименты; он окунал разум людей в безумие, из которого уже нельзя вынырнуть. И в омутах сумасшествия лобзали ему руки, как божку... Он научился вызывать массовый психоз, доводить тол-

пы до истерики. И скромники после его внушений бесновались в сексуальной оргии. И научился он вызывать религиозный фанатизм...

Удобно ему с религиозными фанатиками. Они покорны и верны своему кумиру, и много для него зарабатывают денег. Копшатся на плантациях, как каторжные. Нищенствуют на улицах и базарах. И готовы на смерть ради своего идола. Иных обучили пулевой стрельбе и рукопашному бою, и теперь не сыскать более надёжных телохранителей; богачи охотно их берут в аренду...

Он был очень проницательным физиономистом и умел быстро постигать сущность каждого человека. Он научился программировать людей на изнурительный труд, на отвращение к пище и сну, на воровство и насилие. Его внушенья побуждали сигать с балконов высотных домов...

Но он понимал, что нельзя охмурять всех вокруг себя, ибо нужны ему слуги со здравым умом для администрации его секты...

Неужели Всевышний лишил его дара писать книги, чтобы не мог он распространять эти свои опасные знания?..

А если так, то будь проклят Всевышний, обрёкший его на неумение писать книги! Как страшно томят и мучат мысли, которые нельзя излить на бумаге!.. Вот и сегодня он зря бумагу марал, корпя над записью недавней проповеди!..

Но есть у него племянница, и она будет записывать его беседы с нею. И пусть она уподобится Эккерману, написав-

шему «Разговоры с Гёте...»

И Чирков произнёс:

– Запомни и запиши то, что я тебе скажу. И впредь делай это... записывай мои суждения и речи... Фиксируй на бумаге мои лекции... Вписывай ремарки, резюме и комментарии... Потом я редактировать буду твои записи и хроники...

Она проворковала:

– Запомню и запишу. Ведь на ваши речи у меня абсолютная память. Феноменальные, эпохальные будут тексты!

– Отлично, племянница! – хмыкнул он и довольно потёр руки.

Она радостно подумала:

«Я буду записывать под его диктовку! Вот и способ ему потрафить и стать незаменимой! Обезопасила я себя. Теперь не страшно мне влиянье Кузьмы. Наверняка, не шибко он грамотен, и нет у него дара сочинительства...»

На миг у неё посвилась тревожная мысль: «Но ведь Кузьма писал трагедии... и знаком он с классической литературой...»

Но свою тревогу Алла прогнала соображеньем: «Дядя счёл его пьесы графоманскими... и не обратится к слуге за литературной помощью...»

И Чирков услышал её нежное лопотанье:

– Всё я запомню и запишу. Но, пожалуйста, поведайте мне о задуманной вами акции, о вашей программе...

И он сказал:

– Хочу внедрить новую религию. Традиционные вероучения обрюзгли и одряхлели. Особенно христианские конфессии. Но для успеха нужен плацдарм. Нужна территория, которую будут населять только мои ветераны и адепты. Мне требуется для колонии этот город... в шести верстах от федеральной трассы...

– Зачем? – спросила она и села рядом с ним.

– За гуж я взялся, и попробую выдюжить... Любая секта обречена на прозябанье, если нет у неё обширных земель. И должны эти земли располагаться компактно. И моя паства должна их густо населять. В сущности, мне нужно моё собственное государство в чреве этой страны. С моими судами, администраций и полицией. Мы захватим этот город вежливым нахрапом... и отсюда с елейными, приторными речами начнём лопать душу этой страны... Я хочу обрести в государстве легитимную, официальную власть!..

И он, багровея, вскочил с дивана и зашмыгал по комнате...

– Моя власть будет во благо, – вещал он. – При моём главенстве народ станет иным... даже на генном уровне... Ведь я – учёный и практик. И моя религия будет не сборником басен и мифов, но незыблемой научной методой... кандалами для разума, кои не распилить... Но эти кандалы будут ласкать, хотя поначалу они болезненны. Но причиняет боль и разрыв девственной плевы, но разве возможно блаженство без дефлорации?..

И вдруг Алла вспомнила его жену, мечтавшую исступлённо о материнстве. Звали его жену, обвенчанную с ним в соборе, Анастасией; было у неё три выкидыша, и так и не смогла она родить. Однажды Алла услышала от неё: «Способен мой супруг зачать только рогатого чёрта, Сатану». Теперь лечилась Анастасия в психиатрической клинике от паранойи и конвульсий...

Он поперхнулся и смолк; Алла, мрачняя, подумала:

«С ним никто не был счастлив; его жена свихнулась. Он – доктор наук, профессор, но он не писал диссертаций. Учёную степень правительство присвоило ему за совокупность и результат опытов, которые всегда были засекречены. После развала Империи турнули его из высших эшелонов власти на панель. Он произнёс сам, толкуя о своей судьбе, это позорное слово: „Панель“. И теперь, вероятно, он хочет показать своим бывшим начальникам, сколь опасной для них может быть умная и мстительная проститутка...»

И он снова юрко семенил по комнате и вещал:

– Я возьму кормило власти в этом городе, который, право, мне симпатичен. Никто не должен понимать, что происходит нечто судьбоносное... Пусть черни мерещится банальная победа на выборах моего соратника – послушной овцы моего стада. Выборы главы города грядут поздней осенью; я уже активно готовлю победу моего ставленника. Но есть у меня теперь проблема с кандидатом... Ещё вчера я мог выбирать между Кириллом и Кузьмой...

Она беспокойно и протяжно молвила:

– Кузьмою?! Но за какие коврижки ему честь?.. И Кирилл... сей банкирский аристократ не рохля и не тюфяк... и фитиль бомбы может предательски под вами запалить...

– Но я полагаюсь на верность только тех, чей разум полностью мною помрачён. Эти люди способны вкалывать на шахтах и рудниках до полного изнуренья. Они способны пожертвовать собою ради того, кто их выпестовал. Такие люди могут сжечь себя, стать факелом; их не устрашает жупел смерти. Девочки, охмурённые мною, занимаются блудом, как священнодействием. Но не могут юродивые и болваны заниматься канцелярией. И приходится мне сохранять кое-кому разум для конторской работы... Сегодня я понял, что на Кузьму полагаться нельзя. Он храбрый и строптивый, и он, пожалуй, презирает тех, кто не убивал людей на войне. Я поразмыслию о его судьбе. Одна инъекция в вену... и он – бездумный тростник, колеблемый только моею волей...

Алла содрогнулась, ибо вдруг решила, что именно она своим наветом ввергает Кузьму в безумие; она с детства стыдилась быть ябедой. Чирков уселся на диван рядом с нею и хрипловато продолжил свои рассужденья:

– Теперь скажу о Кирилле... Он практичен и полезен мне... свои деньги я отмываю с его помощью... Но сегодня я сообразил, что нельзя на этого рафинированного финансиста возлагать дополнительные функции. Ибо может он вообразить, что незаменим. И очень для меня опасно, если он

действительно станет незаменимым... Начнёт он куражиться, кичиться и требовать от меня даров, призов и премий... И, возможно, посягнёт на мою власть гуртовщика паствы...

– Вообще, – продолжал он, – главная причина изъянов и негативных явлений в любом тоталитарно-замкнутом сообществе в том и состоит, что в окружении властелина очень мало людей, способных к эффективному управлению... Рачительных и расторопных чиновников всячески от правителя оттирает его челядь; информацию для него аккуратно дозируют и фильтруют... И норовят со мною поступать точно так же... Разве ты, племянница, не скрываешь от меня информацию, если полагаешь, что она тебе вредит?

– Я очень стараюсь быть честной с вами, – отвечала она. – И я верю, что мне незачем вам лгать.

– Присуща брехня людям. Но я заметил, что в моей свите ты врёшь меньше других. Благодарю сердечно за это. Но тебя нельзя ставить главой города. И вовсе не потому, что не справилась бы ты с городским хозяйством: канализацией, канавами, газом и обогревом жилищ. Я уверен, что легко справилась бы ты с этим. Но ты была бы на этом посту чересчур яркой, блестящей... и очень заметной... Ведь ты – необычна; у тебя нет сумбура в мыслях. Ты хорошо образована и красива. Вокруг тебя сплетни будут роиться, как слепни... Я же пока не хочу привлекать всеобщее внимание к этому городу...

И она тихо спросила:

– И что теперь будет?

Он грозно усмехнулся и сказал:

– Кирилла и Кузьму я, пожалуй, сброшу с моей шахматной доски. У них – эрозия верности... И я поразмыслю о вариантах судеб для этих фигур. Я, возможно, извлеку нашего пленника из дыры, куда его заткнул Кузьма.

Она поразилась и вскричала:

– Неужто Осокина приблизите?!

– Ещё не решил окончательно. Ты пристальней присмотришься к нему, а я непременно учту твоё мнение, решая его участь... А теперь я пошёл готовиться к вечерней трапезе... Я предвкушаю концертные сцены у нас в усадьбе... танцы на жаркой сковородке...

И он пружинисто встал и, усмехаясь, вышел... Она же села записывать свою беседу с ним; Алла всё помнила почти дословно. Она писала автоматической ручкой с золотым пером в огромной тетради с красным кожаным переплётом...

Агафья озирала свою кухню и вдыхала приятный запах боровой и болотной дичи, изжаренной в собственном соку с добавленьем кедрового масла. Кастрюли, ковши и тёрки были надраены содой и светились; серебряная утварь тускло мерцала за матовыми стёклами в шкафах. Агафья любила стерильность во всём...

Чирков требовал от своей служанки, чтобы вечером она смотрелась, как домоправительница в замке наследников рыцарей-пилигримов. Но хозяин чётко не объяснил, какие бывают там домоправительницы... И теперь на Агафье было тёмное облаченье с серыми кружевами на рукавах и на длинной юбке; белели кипенью и хрустели от крахмала чепец и передник. Чёрные густые волосы с редкой проседью были уложены в замысловатую причёску... Агафья очень не любила свои чёрные лаковые туфли на низких каблуках, ибо часто у неё начинались в этой обуви спазмы сосудов и ныли ноги. Но приходилось эти туфли надевать, ибо они соответствовали представлениям хозяина об идеале домоправительницы...

Она повернулась и медленно вошла в столовую, озарённую закатом; там Кузьма величаво сервировал на сиреневой скатерти ужин. Агафья смотрела на крохотные подпалины от утюга на рукавах его коричневого костюма. «Нацепил ку-

чер красный галстук, – размышляла она, – раньше не таскал он такого. Куёт бродяга своё счастье, и красный галстук, как горящий уголь в горне. Кузьма – крапивное семя и репей в нашем хозяйстве, а не пашня и нива... Но ведь и я – не жито в амбаре. Кузьма на меня похож своей участью, долей. Мы – неприкаянные. И наверняка возмечтал он о власти над табунами тех, кто сбрендил от проповедей хозяина. Кузьма норовит лягать и взбрыкивать... и, несомненно, он шустро поднатореет в доносах и кляузах... Но по нраву мне этот шельмец... и нам полезно быть заединщиками...»

И вспомнилась ей скирда сена возле горного студёного ручья; бычки и коровы паслись тогда поодаль... Агафья вдруг ощутила во рту вкус редьки и квашеной капусты, которые она ела в тот день... Волки в тот день загрызли коричневого кудлатого пса Полкана, и брат Агафьи добил собаку из древнего кремневого ружья. Затем братья секли батогами саму Агафью в наказание за то, что она допустила к отаре стаю волков, хотя имелось в овчарне старое капсульное ружьё. Стерпела Агафья истязанье без стенаний и слёз; досель оставались на её теле борозды и шрамы от той ужасной порки...

Истерзанная Агафья впервые тогда задумалась о своём будущем. Ей было уже пятнадцать лет, но она едва умела читать. И ничего не читала она, кроме божественных книг. Она была навеки обречена в своей религиозной общине на полную покорность, ибо таков удел всех женщин их секты...

С колыбели Агафья покорялась деду, умершему с пеной

у рта и в судорогах. Она была слепо послушна отцу, который споткнулся о борону и погиб, напоровшись на вилы. Она рьяно подчинялась братьям, пристрелившим верного старого пса Полкана. А братья, забавляясь, ошпарили её кипятком. И мать её была всю жизнь безропотно покорна мужикам...

За школьную парту уже поздно садиться: ведь Агафья – почти невеста. Но только с большим трудом она складывает цифры, а ведь есть ещё какие-то дроби. Нет, позорно ей учиться с малышами-оболтусами... Но сколько можно ей терпеть розги и кнут?...

А как сладко живут их попы!.. В почтении и холе!.. Но ведь бабе не стать попом... Хотя и гуторят, что в иных сектах и баба – за попа!.. Найти бы такую веру!..

И Агафья ушла из своего утлого селенья на поиски такой веры. Искала очень ретиво и долго, не чураясь самой омерзительной работы. Приходилось быть санитаркой и клизмы ставить; и часто она мыла и полоскала облёванное больничное бельё. Но в религиозной общине приучили её быть опрятной, и не допускала Агафья неряшливости даже после самого тошнотворного труда. И однажды её направили за её чистоплотность на кулинарные курсы... И вдруг проявилось у этой невежественной санитарки редкое дарование к стряпне...

Замуж Агафья не вышла, ибо мужчин отпугивали её чёрные глаза, вылезавшие из орбит в минуты гнева... Пыта-

лась она сколачивать и собственные религиозные группы, но очень многих устрасала её мрачная истовость, и поэтому быстро распались сектантские ячейки...

И снова Агафья искала хлыстов, ибо в их секте женщина могла стать попом... И однажды весной на вокзальном перроне, замызганном плевками и окурками, она случайно услышала, что партию хлыстов завезли в сумасшедший дом в дальней станице Раздольной. И для разведки о хлыстах поспешила она устроиться на работу в этой клинике; там Агафья и встретила с Чирковым, который прикатил во главе инспекционной комиссии. Его страшились и ублажали; яства ему готовила Агафья. И он благоволил к ней за кулинарные изыски; она же перед ним благоговейно пресмыкалась. И он забрал её с собою...

До дряхлости ей было ещё очень далеко; поджарое, жилистое тело наполнилось упругостью и силой...

Невзлюбила она Аллу, которую мысленно обзывала чистоплюйкой; ведь лилейные ручки этой феи не обременялись грязной работой... И служанка яро завидовала образованности Аллы...

А вот Кузьма симпатичен был служанке, ибо он временами напоминал ей верного пса Полкана, особенно если надевал коричневый костюм, как теперь...

И она его угрюмо спросила:

– Разве тебе разрешили взять помощника?

Кузьма загремел посудой и басовито ответил:

– Я пока не спрашивал разрешения на это. Не докучай мне пустяками, не подтрунивай. Я не сомневаюсь, что я получу дозволение использовать хлопчика в нашем хозяйстве. Незачем баклуши бить.

– Опасная кутерьма может начаться... Я предчувствую беду, чую кручину... Рано ты куролесить начал. Глупо затевать преждевременный конфликт с шефом...

Она подошла к окну и отодвинула занавеску из серебряной парчи. Он посмотрел на себя в зеркало и спросил:

– Ты полагаешь, что я поступил опрометчиво?

– Самонадеянно ты поступил. Хозяин ревнив ко власти. Обидеться может, что без него всё порешили. Ведь покусились на его авторитет...

Кузьма притулился к буфету из резного палисандра и молвил:

– А тебе, тётка Агафья, печали в этом нет. Трындишь, что беду чуешь? А по мне, так лучше беда, чем копошеньё в навозе. Тоска и скука! Хозяева болтают о важнейшей акции, но никак до неё не дозреют. Я ведь не глухой, и не стану я пробкой затыкать уши. Хозяева трусливо колеблются, ссылаясь на необходимость закулисных манёвров. Но ведь ничего не происходит. А я – патрульный и боевой офицер, и я привык к риску. Я хочу их толкнуть на отважный шаг. Я хочу рискованной катавасии!

– Ты рисковал достаточно. И теперь ты без квартиры и без пенсии...

– Как, впрочем, и ты. И тебя хозяин приютил из милости...

– Никогда у меня собственной коморки со скарбом не было. А у тебя было всё это. Я в школе не училась, и я с трудом читаю по складам. А есть ещё какие-то дробы... А тебя учили педагоги усердно и долго. Глянец на тебя, как на горшок, наводили. И что в итоге?.. Ноль и пустота! Какой же прок от твоей отваги? А ты опять рискуешь. Не хватит ли? Себя пожалей, не лезь рожон...

Он насупился и ответил:

– Я не сделал ничего чрезвычайного. И какая кара мне будет? Только словесное порицание... Попеняют, укорят... Надоело мне в этой ватаге быть на последнем месте. Все помыкают мною, даже ты... Вот и нашёл я того, кто пониже меня стоять будет...

– Никогда я не была к тебе излишне придирчивой...

– Ладно, давай замнём... Но всё-таки мне обидно... Я не такой продукт, чтобы зря протухнуть...

– Ты хорошо знаешь, что есть очень много тех, кто пониже тебя пребывает. Ведь тебя не превратили в скотину, мычащую молитвы. А ведь хозяин может превратить тебя в животное за непокорство. Так гончар неудачный кувшин превращает в комок глины. И с тебя облетит весь лоск, как чешуя с дохлой змеи, и будешь ты червяком на брюхе перед хозяином, каясь, ползать... Зарождается у него бес подозрительности!.. Так могу и я быть заподозренной невесть в чём!

И он замесит меня, как тесто для блинов. Ты подхалимничай, винись и кайся... Ты шкуру свою спасай!.. Да и мою тоже... Оборонятся нам холуйством и хитростью надо...

И Кузьма, решив, что она права, спросил:

– И что же мне сказать хозяину? Как объяснить, почему пленник без конвоя по усадьбе шастает?

– А где узник теперь?

– В парниках. Там на клумбы и грядки навоз он раскидывает. Парня нужно опять заточить в камере! Но я уже не успею. Хозяин со свитой скоро будет здесь. Вот если ты, тётка Агафья, сама парня в подвал загонишь...

И она хрипло и насмешливо обронила:

– А ты не боишься, что моя помощь твою вину усугубит?

Он удивился:

– Почему же?..

– А по кочану!.. На плечах у тебя вилок капусты или голова с мозгами?.. Если пытаешься вину загладить, то, значит, понимаешь, что нашкодил. Но если не ведал о запрете, то и греха нет. Прикинься простачком. Дескать, решил, что незачем забулдыгу даром кормить, ведь денег харчи стоят. Пусть-де кормёжку отрабатывает. От стаи собак никуда не убежит он отсюда. Перед хозяином разыграй удивленье. Я не понимаю-де, в чём моя вина... Не балаболь опрометчиво...

И Кузьма снова решил, что она права, и благодарно ей кивнул; она же грустно улыбнулась и пошаркала на кух-

ню. Он принялся булатным штопором откупоривать бутылки со старым вином; продолжалась подготовка к торжественной вечерней трапезе...

К ужину первый пришёл Кирилл, обряженный в сине-чёрную клетчатую блузу из прозрачного шёлка и серые штаны, его белые ботинки поскрипывали. Он сел на своё обычное место за овальным столом и уткнулся взором в пустую тарелку; проворные пальцы Кирилла теребили льняную салфетку...

Вскоре появилась чопорная Алла в голубом просторном платье по щиколотку; спина и грудь были укутаны красной пелериной; сверкала на плече золотая брошь с выпуклым рубином.

Кузьма, моргая, столбенел возле коричневых полированных дверей, а когда появился Чирков, то юрко засеменял ему вослед к хозяйскому креслу. Алла и Кирилл быстро и почтительно встали и слегка поклонились, а затем, повинуясь небрежному хозяйскому жесту, уселись вновь.

Чирков облачился к ужину в крапчатый атласный костюм без галстука; замшевые туфли хозяина отличались очень толстой подошвой; пальцы были унизаны драгоценными кольцами... Он вальяжно уселся за стол, и воцарилось молчанье; Кузьма внёс яство...

Они с аппетитом ели дичь, усыпанную толчеными ядрами земляных орехов; пили вино из древних кубков. Вкушали на десерт бублики с маком, яблочное желе и брусничную

шипучую воду... Сотрапезники болтали о пустяках, но все были напряжены...

Наконец, Чирков обратился к Кузьме:

– Ответь мне, драгоценный виночерпий и чашник: дрыгался ли, плясал ли от радости кургузый наш пленник, получив по воле твоей свободу?

Кузьма изобразил мимикой изумленье и замер в подобострастной позе; слуга отвечал по наитию, не ожидая от самого себя таких слов:

– Пришелец не обрёл свободу. Я же ничего не посмею предпринять без вашего, мой господин, согласия. Я словно рычаг в ваших руках... ваша кувалда... Но я почуюл, что пленник очень боится крестьянской, чёрной работы. И я, чтоб его дополнительно помучить, погнал его удобрять навозом землю. Покорней после этого станет. Свора матёрых собак получила команду стеречь его, не выпуская из парника. Простите моё рвенье.

Агафья, стоя в кухонных дверях, услышала эти фразы слуги и подумала:

«Лучше нельзя было ответить. Теперь у стремянного больше шансов избежать кары за свои фокусы. Пожалуй, он выкрутится на этот раз...»

Для Чиркова оказался неожиданным такой ответ слуги, хотя хозяин и готовился мысленно к разным вариантам грядущего разговора. От Кузьмы ожидалось дерзости, за которые мало словесно отчихвость, а нужно сурово покарать му-

ками тела...

Чирков озадачился и спросил:

– А почему ты, Кузьма, решил, что устрашает пришлого обормота грязный крестьянский труд?

И слуга ощутил вдохновенье, и постарался скрыть его от хозяина. Поза Кузьмы осталась чрезвычайно почтительной, а голос, хоть и басил, но был елейным. Слуга сказал:

– У парня бзик... особый комплекс неполноценности... Страшит его тяжёлая и грязная работа, ибо его превращает она в подобье матери, которая всю жизнь тяжко вкалывала в грязи... И страшится сын повторить в свой черёд её участь...

Чирков внезапно ощутил злость и пытался скрыть её за иронической гримасой; негодующим взглядом уставился он на графин с брусничной водой...

Больше всего взбесило Романа Валерьевича то, что он пытался скрыть свою злость от челяди. Он быстро понял, что попытка скрыть своё чувство не вполне ему удалась, и что прислуга и сотрапезники наверняка заметили его озлобление.

Впервые после распада Империи ощутил Роман Валерьевич необходимость утаивать свои подлинные чувства. А в имперские времена были ему ханжество и лицемерие привычны. Приходилось ему имитировать заботу о пациентах, которые не были ущербны разумом, но отрицали полезность и нравственность Империи. Роман Валерьевич ока-

зался весьма способным к мимикрии. Он успешно долдонил с трибуны высокопарные лозунги и ругал опальных вельмож. При вручении орденов и юбилейных медалей приходилось ему скрывать свои способности диагноста, ибо он, едва окинув лекарским оком одутловатые лица и квелые рыхлые фигуры, мог безошибочно определить время смерти любого сановника, а государственные лидеры очень боялись узнать истину о своём здоровье. И поэтому случалось порой, что кремлёвские врачи, опасаясь их мстительного раздраженья, не столько их лечили, сколько пичкали их бесполезными витаминными таблетками и успокоительной болтовнёй...

В эпоху Империи Чирков был важным в иерархии звеном, но вольности ему особой не давали, требуя неукоснительного соблюдения неписаных обрядов, ритуалов и правил. Притворство негласно считали главным доказательством лояльности... Но после того, как удалось ему создать собственную церковь, исчезла у него нужда в притворстве. И появилась у Чиркова роскошная возможность давать волю любым чувствам, которые его обуревали. И был он уверен, что от него стерпят всё: и злобные шалости, и гнев, и капризы. И настолько он верил в незыблемость собственного авторитета, что позволял себе даже подшучивать над собою. Вот де и оратор я хороший, и собственную церковь я сварганил, а не могу на бумаге излагать мессианские свои идеи...

И вдруг ему пришлось унижительно утаивать свои чувства перед челядью!.. Ему, чья глобальная миссия преобра-

зит мир!.. И Роман Валерьевич злился всё пуще...

И вдруг он задумался о том, что же именно его злит. И припомнилось ему, что в последнее время он во всём соглашался с Кузьмой. И сообразил, наконец, Роман Валерьевич, что его обозлило осознание именно этой своей уступчивости, которая наверняка замечена другими. Обозлило его ещё и то, что Кузьма совершенно точно определил психический комплекс пришельца. И Чирков впервые позавидовал смекалке своего слуги и чрезвычайно рассердился на себя за это...

И взвинченный Чирков размышлял при общем молчании: «Они учатся у меня, присматриваясь к моей методике. Ведь они уже видели специфические реакции людей после моих опытов. И уже сами могут поставить они психический диагноз. И они, вероятно, видят меня совсем не таким, каким я сам себя воспринимаю. Неужели я теперь им кажусь сумбурным и взбалмошным? Неужели в их ораве меня уже критикуют? Разумеется, критикуют не люди-брёвна, лишённые разума, а те, кто в моём окружении пригрелся и занимается моей канцелярией...»

И все эти нахлынувшие мысли были столь мучительны и тревожны, что захотелось Чиркову немедленно обратиться в свои апартаменты, а не предаваться обычному своему балагурству после ужина. Чирков вытер салфеткою рот и забубнил:

– Канва твоих мыслей, Кузьма, имеет верную психоло-

гическую подоплёку. У пришлого есть такой психический комплекс. Это очевидно. Пусть работает в навозе и грязи, если это ему особенно мучительно. Хаживал и я студентом на овощные базы, где я сортировал гнилой картофель. И богатые белоручки трунили надо мной за это... Пускай и он... как бишь его?... ах, да... Осокин!.. потрудится на моих фермах... Но статус его остаётся неизменным: он – узник. И жить он будет в подвале. И знай, Кузьма: ведь я тобою не обманут. Ты его вызволил, чтоб иметь хотя бы одного подчинённого, которым мог бы ты помыкать. И тебе, мой бесталанный Кузьма, толики власти захотелось... Я не обманут...

И внезапно все сразу: и сотрапезники, и он сам, и его челядь подумали о том, что ему нельзя было произносить эти слова... Ему полезно было притвориться обманутым; Чирков это понял и, вскочив, покинул столовую...

После ухода хозяина пытался Кирилл подтрунивать над слугою:

– Ну, что же, Кузьма, не удалось тебе охмурить хозяина. Я тебя понимаю: ты бывший офицер и привык муштровать подчинённых; без них у тебя хандра. Но простит ли Роман Валерьевич попытку его обмишурить?

Кузьма по-солдатски вытянулся во фронт и ответил:

– Я не смею лгать благодетелю и патрону.

Кирилл пристально взирал на слугу: у того ни один мускул на лице не шелохнулся. Алла молвила:

– Сквозняк портьерами колышет, и я озябла. И уже поздно. А ведь мне ещё предстоит записать сегодняшние речи моего дяди, иначе они к утру потускнеют в памяти.

Кирилл настороженно встрепенулся и спросил:

– Алла, неужели отныне ты будешь систематически записывать в тетрадку разговоры нашего шефа?

– Да, мне оказана такая честь.

Агафья, стоявшая досель в кухонных дверях, гневно, но тихо засопела, резко повернулась и вышла прочь. Кузьма, усмехаясь краешком рта, вытягивался в струнку. Кирилл пыжился и пытался иронизировать:

– А ты преуспела, Алла. Витиеватой вязью отчеканено будет на твоей погребальной урне: «Она записала разговоры Романа Валерьевича Чиркова». Ты окажешься после кончины на скрижалях мировых религий...

– Не суесловь о смерти, – попросила она с выраженьем кротости на лице.

– Пожалуй, – согласился Кирилл и, вскочив, удалился вихляющей походкой из комнаты.

Кузьма слегка поклонился Алле и произнёс:

– Поздравляю вас.

Она ему невесело кивнула и велела:

– Убери и вымой посуду. Загони Осокина в его камеру. И больше не провоцируй дядю своим психологическим триокачеством.

– Я понял.

Она медленно встала и вышла из столовой. Кузьма, тревожно супясь, начал убирать посуду...

Осокин в парусиновой робе понуро сидел с вилами на скамейке возле парников; две овчарки лежали рядом на крохотной лужайке и, ощерясь, смотрели на него. Сумерки сгущались, а ветер крепчал и пах болотной тиной.

«Дадут ли мне сегодня пожрать хотя бы чёрствую корку? – думал Осокин. – У меня с рассвета макового зёрнышка во рту не было. А уже вечерняя заря... Попал я в плохую катавасию... Пожевать бы колбаски с чесноком и салом... и хорошо бы чарочку перцовой горелки перед сном тяпнуть... Я изнемог от этой изнурительной и вонючей работы в навозе...»

И Осокину вспомнилось, как его мать, выслушав его описанья тягостей сапёрной армейской жизни, сказала ему: «Больше никогда не занимайся грязной и тяжёлой работой. В юности и армии, возможно, простительно это, но в гражданской взрослой жизни – постыдно. Не уподобляйся мне. Если ты, сынок, хотя бы ещё один раз запачкаешь себя грязным трудом, то уже никогда не заползёшь ты в приличное общество. Я надрываюсь, чтоб не надрывался ты...»

И Осокин начал бояться уподобиться своей матери; она же работала дворничихой, и не позволяла сыну помогать ей. И казалось Осокину, что если он возьмётся за лопату, совок или метлу, то будет обречён на беспросветную судьбу

своей матери. И поэтому избрал он стезю мошенника...

Он размышлял:

«В столице я ещё мог сойти за интеллектуала. Ведь я торгую не украденным на чердаках бельём, а иконами. Я шлялся по притонам, вернисажам и клубам и гомонил там... и порой я тасовался в богемной кутерьме художников... Но, пожалуй, всё это в прошлом. Теперь меня могут и верёвкой связывать, и на аркане таскать. Могут меня дёгтем и смолой измазать. И принудили меня копошиться в навозном дерьме. А ведь мне завещала мать, как фетиш, никогда не заниматься такой работой. И что же теперь со мною будет?.. Какой мне выпадет здесь жребий? И кто я такой?..»

В дальнем конце аллеи появился Кузьма, который шагал неспешно и важно. Осокину вдруг припомнилось изображение пиратского капитана на гравюре в детский книге; пленник вскочил и, тиская обеим руками навозные вилы, весь напрягся...

Кузьма, наконец, приблизился, а сумерки уже столь сгустились, что цвет его коричневого костюма был почти неразличим. Осокина вдруг поразило, что лицо бородача оказалось смущённым и даже перекошенным, хотя осанка Кузьмы осталась гвардейской. Собаки встали и, переминаясь на сильных лапах, тихо зарычали.

Осокин держал вилы зубьями вверх; его вдруг затошнило от здешних миазмов. Кузьма подошёл к пленнику вплотную и молвил:

– Я вижу, что умаялся ты. Очень трудно без тренировки раскидывать навоз; я по себе это знаю. Гнусное занятие!..

И Осокин, ощутив нежданную симпатию к слуге, сказал умилённо и выпренне:

– Навоз, как удобрение, помогает свивать прекрасные гирлянды цветов!

– Завтра будешь сбрую для кареты ладить. Хозяин обожает кататься в коляске, запряжённой рысакими. Станешь ты у меня и шорником, и плотником. Попрошу для прочих работ пригнать «людей-брёвен». Эти хозяйские холопы работащи и покорны, как волы...

– А почему здесь людей обзывают брёвнами?

Кузьма хозяйственно прошёлся по двору, попинал ногами кучу хвороста и неожиданно для себя заговорил откровенно:

– Ты вилы держишь, как копьё. Будто пронзить меня хочешь. Я не скрою: хотел я из тебя жертвенного козла сделать. Но ведь я не стал тебя потрошить, и даже слабенькой оплеухи я тебе не отвесил... Ты спросил, почему здесь людей называют брёвнами? Такой термин придумал хозяин; непредсказуемы зигзаги его мысли. Но есть определённый смысл в этом названии. А я бы к словечку «брёвна» прибавлял бы ещё эпитет «восторженные». Они почитают хозяина, как Бога! Они полагают, что он может воскресить мёртвых. Есть у хозяина особые приёмчики, которые разработали психиатры ещё в эпоху Империи... Славная была эра!..

И оба они во мгле сели рядом на скамейку; Осокин от-

швырнул ненавистные вилы и спросил:

– А почему вы хотели превратить меня в жертвенное животное? Неужели намеревались моей кровью повязать хозяина с собою?

– В десанте был подобный ритуал. Я сам сбросил пленников с вертолётного борта; этим командиру меня и повязали... А здесь я захотел быть мотором всего дела и повязать кровью тутошних главарей. И добавить им убийством решимости...

– А как меня собирались прикончить?

– В нашем капище... как лазутчика... при скопище тех, кого хозяин секты не лишил ещё разума... Огромным хозяйством нельзя управлять с помощью идиотов, и поэтому некоторым членам нашей секты разум ещё сохранён. Они – как снасти, кормило и якорь для корабля новой веры!.. И я подумал, что, совершив вместе с ними сакральную жертву, я их повяжу кровавой круговой порукой и заслужу за это особую благодарность хозяина. И усугублю его доверие ко мне...

Осокин содрогнулся и спросил:

– А почему вы отвергли эту затею?

– Я испугался, что почуют они сладость крови; ведь они уже сейчас неменяемы от рабской покорности им. Они властью одурманены, как наркотиком, но крови ещё не пили. А пролитая кровь заражает страстным хотеньем лить её и впредь. Я был на войне и знаю это... Я не могу заглянуть в магический кристалл, но я прекрасно представляю,

что с ними будет, если крови они попробуют. Это будет греческая смесь, ибо лишатся они всяких нравственных препон и тормозов. И я первый от этого рискую пострадать: ведь я приближен к ним. Некоторые уже козни мне строят... Если вкусят они крови, то меня непременно убьют. А вот если они к крови не приохотятся, то меня просто превратят в «человека-бревно», а такие по-своему счастливы...

Осокин криво усмехнулся во тьме и возразил:

– А я не хочу такого счастья; я не желаю стать восторженным бревном. Какая, в сущности, разница между растительным бытием и смертью? Я не обладаю сложным духовным миром, но я не хочу утратить то, что есть во мне. Пусть я не Лев Толстой, с его рефлексией и самоанализом, с его великолепным дневником, составившим эру в литературе. Я – примитивнее, проще. Но и во мне есть то, что я не хочу потерять. Я не желаю, чтоб у меня были похищены воспоминания о моих мечтах. Я помню, как я бродил на окраине города возле ресторана «Застава» и мечтал, что я буду здесь смаковать на кутежах драгоценные марочные вина, а не пить в подворотне сивушное зелье из аптечной микстуры на спирту... Если я стану человеком-бревном, то какая разница: счастлива эта особь или нет? Вокруг меня шныряет множество людей, но разве интересно мне их душевное состояние?.. По-вашему: я не прав?..

– Говори мне «ты», – тихо молвил Кузьма, – ведь у нас примерно одинаковый возраст...

– Хорошо, я, пожалуй, перейду на «ты». Ведь ты мне сулил своё соседство по флигелю.

– Пока не будешь ты моим соседом, – отозвался смущённо Кузьма, – хозяин всё переиначил. Он по-прежнему считает, что ты лазутчик, и велел тебя содержать в подвале.

– Вот как!.. Пусть, ладно!.. Но я не хочу, как пещерный житель спать на жердях. Я не претендую на постельное бельё, перину или подушку, но выдать могли бы матрас из соломы. И верните мне торбу: там есть мыло и бритва... не привык я ходить со щетиною на лице...

– А ты горло себе не перережешь... чтоб не стать человеком-бревном?..

Осокин ответил неуверенно и с запинкой:

– Я пока не знаю. Жутковато умирать, но перспектива стать восторженным олухом мне претит...

– Перестань о смерти суесловить, – решительно сказал Кузьма, – ибо ничего ты не знаешь о ней. А я был на войне, в этой кровавой бузе, и я видел смерть воочию. От бойни у меня мысли взвихрились, и я влез в неоплатные долги. Кредиторы вознамерились меня убить, но здешний хозяин вызволил, и теперь мне нет хода отсюда. Сразу прикончат за долг. А ты, если драпанёшь с этой каторги, то будешь вольным соколом.

Осокин хмыкнул:

– Неужто моё положение здесь более предпочтительно, нежели твоё?

– Пока ещё нет. Тебя псы стерегут, и ночевать ты будешь в подвале. И на ужин дадут тебе постную баланду и кашу без масла. А я буду яства вкушать...

– Обьедки!..

– Зачем ты так?.. Я ведь с душевностью к тебе обращаюсь...

– А кстати: почему?.. Чем я вызвал у тебя внезапную приязнь ко мне? Ты – импульсивен, но не глуп. И должен понимать, что такая откровенность со мной – рискованна... Мне ведь незачем тебя жалеть: на заклятие хотел меня отправить, на плаху... Моей кровью чаял ты обагрить жертвенный алтарь... А теперь ты станешь меня, как сельский бригадир, эксплуатировать на фермах и впредь...

– Неужели донесёшь ты хозяину о разговоре этом? – хмуро и прямо спросил Кузьма.

И вдруг Осокин решил, что лгать теперь нельзя, и подумалось ему, что имеется в его организме неосознанная высшая мудрость, перед коей обычный разум – пошлое ничтожество... И преобразилась для Осокина реальность, и обычные парники с бутонами и цветами вдруг ему привиделись закоулком таинственного мира под управлением Провиденья... Мир забарахтался, заискрился, и Осокину показалось, что лунные тени кувыркаются. И струйки ветра мнились ему дыханием Божества, а далёкие зарницы – грозными зеницами Вседержителя...

Осокин уже не размышлял, и обычный разум казался ему

помехою в жизни, а думы, запечатлённые в памяти, мнились до безобразия пошлыми. И сполохами прорывались в него мысли извне, словно их вибрирующими пучками гнал из космоса Всемирный разум...

И Осокин постиг наитием, что была его смерть очень близка. А спасло его только то, что в миги решающей и роковой беседы он был абсолютным рабом, не желающим ничего, кроме хозяйской ласки. Он не притворялся, а воистину был полным рабом и в мыслях, и в инстинктах, и в душе. И поэтому он не фальшивил, когда твердил о своём восторге перед хозяйским величием. И поверил ему Кузьма не только разумом, но и подсознанием. А подсознательная вера крепче любой другой веры... И подсознательно Алла поверила Осокину, а тот теперь вдруг постиг наитием сущность этой женщины...

Она среди мужчин искала себе раба настолько ей преданного, чтобы оказался он способным ради блага своей госпожи и саму её приструнивать, умирять и карать...

И вдруг сознание Осокина отключилось, прервав его бесконечные мысленные речи; прекратилось его внутреннее витийство, которым он тщился себя оправдывать. Замер его внутренний диалог с воображаемым спорщиком. И в таком состоянии, которое вдруг Осокину показалось чрезвычайно комфортным, он заговорил:

– Ты спрашивал о вероятности моего доноса на тебя. Но зачем мне здесь ябедничать? Я не стану здесь словесной

трещоткой и не растреплю хозяйину о беседе нашей. Мы с тобой здесь в равной опасности, и, пожалуй, нам нужно быть союзниками. Но зудит у меня кожа на ногах, а моя обувь пропитана зловонной жижей. Я хочу разуться, и мне лицо ополоснуть надо. И я настырно прошу дать мне пожрать. Я очень голоден: во время сегодняшней канители мне даже постного борща похлепать не дали...

– Эта канитель могла оказаться смертельной для тебя, – молвил Кузьма и встал со скамейки. – Пойдём со мною. В подвале есть горячий душ. Постельного белья не обещаю, но принесу рогожу и дерюжный матрас. Дам чистые шаровары и рубаху... и приготовлю тебе ужин... И ты уж не взыщи: из объедок...

Осокин вскочил и откликнулся:

– Мне теперь недосуг кочевряжиться и брезговать!

И они стремительно пошли к особняку, и шагал Осокин чуть впереди... После горячего душа Осокин в чистой одежде и в своей камере, где уже на полатах лежали рогожа и матрас, поел жирную кулебяку из оленьего фарша и булькающую уху с налимьими молоками... Затем Кузьма проворно вынес из камеры посуду и, заперев щеколдою двери, пошёл на кухню; там Агафья и слуга, чокнувшись, выпили залпом без закуски по чарке водки и молча расстались...

И скоро в особняке все крепко уснули, ибо предельно были изнурены сегодняшним днём... И только сторожевые псы, рыча, сновали по усадьбе...

В особняке на рассвете первым проснулся Чирков; в кишках у него заурчало, и он подумал: «Начинаются новые этапы и фазы моей революционной операции... И нужно преодолеть все баррикады и домчать до финиша по дистанции...»

Он сбросил с себя одеяло и в тонкой пижаме распластался на кровати с купольным балдахином. Чиркова томило беспокойство, причину которого он пытался понять; он ёрзал на простынях, покашливал, фыркал и думал: «А верно ли я оценил ситуацию?.. Неужели я зря напялил на себя ярмо, хомут пророка?..»

Свои тревоги он уже привык гасить мечтами о своём грядущем величии. Алчность ко славе усугубилась у Чиркова долгим его служеньем в секретных учреждениях, где свято оберегали полную безвестность персонала. И после развала Империи возмечтал Чирков сравняться влиянием и славой и с папой Римским, и с православными патриархами, и с исламскими имамами и шейхами. Свою здешнюю усадьбу он мысленно именовал: «Мой Ватикан...» и планировал превратить её в религиозный центр-монастырь.

Чирков мечтал об ордах своих ретивых приверженцев; вообразалось ему, как одной лишь проповедью предотвращает он мировые кризисы. Он грезил себя в окружении скопища мировых лидеров...

Но всё это – ничто по сравнению с его посмертной славой!..

И начали ему воображаться грандиозные базилики с мусульманскими минаретами. И его благостные лики на фресках и иконах. А его книга, написанная племянницей с его слов, начнёт по тиражам соперничать с Кораном и Библией.

«Кстати, – подумал он, – а ведь и пророк Магомет ничего сам не писал, а учил и проповедовал устно. Коран записали с его слов...»

И начал он воображать, какие будут у него после смерти мавзолей и саркофаг с его набальзамированной мумией. Разумеется, всё это будет очень импозантно... Возле его праха, мощей и реликвий начнут устраивать сакральные пляски с факелами... Его ученики, эти новые апостолы, должны очень постараться ради того, чтоб увековечить память о нём...

«Но какие будут причины, мотивы у моих учеников чтить меня после смерти? – вдруг подумал он и рывком сел на постели. – Разве теперь я могу полагаться на верность моих апостолов?..»

Он ступнями нашарил домашние чувяки и вскочил на ворсистый ковёр; за окном уже брезжила заря, и в спальне вдруг запахло сеном. Он устремился на балкон и там, озирая окрестность, начал размышлять:

«После моей кончины потребуются моим ученикам искусные ваятели и зодчие. Я желаю, чтобы всюду возвышались

мои бюсты и скульптуры; хочу музеев, посвящённых мне. И все храмы во славу мою должны оказаться перлами архитектуры, а статуи, для коих я позировал, – шедеврами... Мои лики должны висеть во всех картинных галереях мира...»

Он ухмылялся и прикидывал, где в усадьбе водрузят его монументы. Но каркнула ворона, и мысли его стали тревожными:

«Но каких я пестую учеников? Кто из них лоялен, верен мне? Возможно, за оболочкой каждого из них таится агрессивный и чумазый гном с похабной харей. Вот собрал я здесь самых близких мне людей. Я полагаю, что я – их благодетель. Но кем они сами считают меня? Неужели только вздорным домашним тираном?..»

И начали вспоминаться ему начальники ячеек его секты; этих своих администраторов он не лишал разума. Рассудок им был необходим для успешного управления паствой; Чирков даровал им титулы наместников. Остальные члены секты были закодированы Чирковым столь надёжно, что вернуть им рассудок сумел бы только он сам.

Ему страшно передать своим наместникам методику, пароли и нюансы кодирования. И пусть его челядь образцово почтительна, но станет его власть очень зыбкой, если раскроет он свои тайны... Из опасенья утратить власть он всё предрешал сам, не позволяя членам секты никаких самовольных действий даже в мелочах. Всё должно совершаться только под его диктовку...

Он никому не верил, и поэтому разумные, нормальные люди подсознательно не верили ему. Свято ему верили только безумцы, лишённые им разума...

И внезапно Чирков понял, что ему не хватает возвышенной идеи. Конечно, в его новой религии была идея, но куцая. Идея крайне простая: «Если вы будете лично мне, Роману Чиркову, безгранично покорны, то обретёте блаженство и рай...» И все его проповеди произносились только на эту тему...

Но подобная идея способна увлекать только истерически-восторженных болванов, а для разумных людей нужно изобретать нечто более серьёзное. Но кто из его челяди способен выдумать такую идею? Все его заместники – из специфической среды: они высококлассные инженеры-конструкторы медицинской техники. И все они – бывшие безработные, примкнувшие к нему от отчаянья. Гуманитариев он всегда считал болтунами и баламутами, и поэтому их не было, кроме Аллы, в его окружении. Хотя, впрочем, появился теперь ещё один: Илья Михайлович Осокин...

И вдруг Чиркову подумалось:

«А ведь я не с бухты-барахты оставил этого спекулянта иконами у себя. Интуитивно я постиг, что можно ему довериться. У меня ведь явный дефицит идей и кадров. Пусть пришелец, как бурлак, потрудится над идеями для моей новой религии... Ведь он закончил курс философского факультета...»

На миг Чирков понимал, что ситуация бредовая. Ведь он почти готов довериться случайному прохоидею!.. А испытанных функционеров своей секты вознамерился отшвырнуть, будто они – хлам.

А ведь он очень много потратил усилий на создание своей церковной иерархии!.. Он тщательно сортировал своих приближённых и упорно репетировал перед зеркалом осанку и мимику для своих торжественных явлений перед паствой. Он у себя сконцентрировал всю власть в секте, и теперь там никто даже пикнуть не смел наперекор ему...

А если вдруг обратиться за помощью к пришельцу, то придётся раскрыть перед ним многие щекотливые и скабрёзные тайны. Например, нужно будет признаваться, что новая религия создана не догматами и канонами, а только изощрёнными методиками гипноза и кодирования с применением шприцов, уколов и колдовских дурманных смесей. И пришелец поймёт натуру хозяина, и слетит, пожухнув, ореол с новоявленного пророка!..

Пришелец узнает подлинную историю секты, и для него исчезнет пелена мистики... и начнёт он презирать своего хозяина!.. Ведь история секты неприглядна...

Башковитый и умелый психиатр, который ретиво служил секретным конторам, был из них изгнан после уничтоженья Империи. А ведь он обладал многими тайными знаниями; он не только мастерски владел разными приёмами и формами гипноза, но умел быстро изготовить шаманские смеси для

галлюцинаций; компоненты для этих дурманных зелий можно было найти и в обычной аптеке, и на свалке среди сорняков.

И для заработка взялся он врачевать истерики и неврозы у богатых дам; он придумал оригинальную методику лечения. Он легко внушал любой взвинченной пациентке, что муж её – божество, коему обязана она служить, словно жрица. Богатые мужья оставались очень довольными и всячески рекламировали его услуги, не скупясь на гонорары чародею-психоаналитику... И вдруг тщеславно начал он пациентам внушать веру в свою собственную божественную сущность, и быстро организовалась секта с его культом, и врач стал религиозным кумиром...

Но церковь его разрасталась, и он отчётливо понимал, что нужно делиться собственной единоличной властью с приближёнными и наместниками; ведь он уже просто не успевал решать все задачи своей постоянно укрупняющейся организации. Но как обеспечить верность тех, с кем властью он делится? Ведь нельзя верность сбересть только утолением корысти сообщников... И он, пялясь с балкона на зарю, размышлял:

«И как же мне теперь пилотировать мою церковь? Мне нужна идеология, но в общественных дисциплинах я – профан и карлик. Если моя челядь будет меня считать пророком, то не изменит, а если прохиндеем, то непременно предаст при первой заварухе. И теперь мне очень досадно, что

верность крепят только высокие, благородные чувства...»

И вспомнил он своё истовое служенье в секретных институтах утраченной Империи; в то время обуревали его самые благородные чувства, без коих не преуспел бы он в своей профессии. Ведь он верил в жестокую благодать своей миссии, он оберегал величавую Империю от злыдней-диссидентов...

И в рое мошкары он подумал:

«А ведь оказались диссиденты реальной опасностью, они помогли развалить Империю! И сколь же много после распада вылезло наружу мелкотравчатой мрази! И оказался я среди тараканов, червей и клопов...»

Вдруг мошкара улетучилась в воздушных струях, заверещали птицы, и опять вспомнил он с негою своё служенье Империи... Ему нравились привилегии, ордена, восхищенные женского персонала клиник и ужас подопытных пациентов... Но приятней всего была сопричастность к могуществу и тайнам величайшего государства; безмерно обольщала закулисная, незримая власть... Но этап завершён, а нужно жить дальше...

Но заставит он колонны маршировать с плакатами, флагами и хоругвями под своей трибуной; обязательно внушит он массам великую жертвенность ради создания очередной Империи... Он весь напрягся и возмечтал: «Коваными гвоздями я сколочу обрубки страны в единую общность!...»

И вдруг он решил, что создание очередной Империи будет

той величавой идеей, которая вокруг него объединит соратников; имя его должно воссиять в веках!.. И славу его увеличит то, что возродится Империя весьма оригинальным способом: посредством создания новой церкви. Концепция же новой церкви будет зиждиться на чеканных словесных формулировках!..

Идея воссоздания Империи непременно увлечёт его наместников, которые уже теряли работу, доходы и социальный статус при развале прежней державы; теперь с радостью устремятся они к реваншу. И при таких возвышенных целях все деянья его, которые казались прежде подловатыми, обретут приличное, благовидное объяснение. Ведь он, оказываясь, изошрённо конспирировал, чтобы преждевременно не раздраконить врагов Империи, коих – легион!.. Врагами же были либералы, демократы, продажные журналисты и олигархи... И, разумеется, одуроченная ими чернь!..

Он-де под личиной корыстолюбца лелеял в загадочном лабиринте своей души самые благородные намеренья!.. И теперь, наконец, наступил черёд раскрыть величье своей программы! Какие замечательные теперь возникнут сюжеты и жанры!.. Будет о чём писать его биографам!..

Он вернулся в опочивальню и там в платяном шкафу выбрал на сегодняшнее утро белое одеянье; затем за чёрной ширмой сменил он пижаму на сорочку и штаны. Белая с искрой одежда показалась ему чрезвычайно подходящей для провозглашенья его лучезарных замыслов.

Ему хотелось немедленных действий, и его мучительно истомили мысли, которые он сейчас не мог за неимением собеседника высказывать. Заря ещё была очень ранней, и поэтому все домочадцы спали, а поговорить ему безмерно хотелось, и он быстро прошёлся по комнате, и все движенья его казались ему грациозными и хищными, как у рыси. Из ящика комода он выхватил связку ключей от всех замков в особняке и заспешил в подвал к Осокину...

В узком подвальном коридоре Роман Валерьевич включил тусклую электрическую лампочку и, подойдя к камере узника, отпёр дверь. Осокин на нарах крепко спал, и он дрых бы до полудня, если б не визит хозяина. Недремлющее подсознание разбудило Осокина, и вскочил он, всколоченный, и часто заморгал; затем узник искательно и суматошно кланялся господину, пока тот не повелел:

– Ступай за мною... поменяешь ты канву своей жизни!..

Осокину вдруг очень захотелось умыться, и он вожделённо глянул на медный кран водопровода; Роман же Валерьевич, заметив это, сказал благодушно:

– Ополосни своё лицо, приведи себя в порядок. Я подожду в коридоре. Но ты не медли.

Роман Валерьевич ожидал в коридоре очень недолго, а затем степенно повёл узника с влажными волосами в свой кабинет...

По пути у Осокина отключился разум, даруя возможность действовать по наитию. И узник почуял, что хозяин настроен весьма торжественно и будет говорить выпренне, но благожелательно...

И вдруг у Осокина возникло ощущение, что его жизнь резко меняется, и скоро порвутся любые связи с бестолковым прежним прозябаньем, которое уже обрыдло...

Они вошли в грандиозный кабинет Романа Валерьевича; где преобладали контрасты светлых и тёмных цветов. Громадные стулья, массивный письменный стол и причудливый сейф очень впечатлили Осокина. На стенах висели обширные картины с церковными и рыцарскими сюжетами. Вдоль стен стояли мягкие чёрные диваны и кресла; на потолке с лепниной слегка звякала от сквозняка хрустальная люстра, а тюлевые занавески на окнах бурно колыхались... Роман Валерьевич уселся за письменный стол в кресло, которое вращалось и было украшено, подобно трону, государственным гербом. Короны и двуглавый орёл на гербе были позолочены и отчаянно блестели; книжные шкафы из резного морёного дуба зияли между фолиантами огромными пустотами, а возле дальнего окна серебрился компьютер с лазерным принтером...

Хозяин плавным жестом усадил Осокина на стул, а сам,

вскочив, петлял по комнате, пока, наконец, возле сейфа не молвил с драматическими модуляциями в голосе:

– Начну обращаться к моему гостю на «вы». Ибо теперь вы – мой гость, и подозрение в шпионстве снято с вас. И вы не должны роптать на меня: ведь вас не потчевали дрыном или дубиной. И ничего скверного для вас не отчебучили. А ночь в изоляторе – не повод для бузы. Вы сюда непрошеным спекулянтom нагрянули. А я не могу допустить, чтобы здесь караванами шлялись скупщики икон. Разве я не вправе защищать свою территорию?

И Чирков, затянув паузу, глянул на гостя, а тот со стула по наитию ответил:

– Роман Валерьевич! Здесь госпиталь для мыслей, лазарет для души. Я чую, что миновал я здесь роковой рубеж...

И далее Осокин говорил подобострастную, льстивую галиматью, но голос его был предельно искренним, и хозяин особняка не уловил в речах гостя ни малейшей фальши. Ведь Осокин очутился в новом для себя, изменённом состоянии личности; он в эти миги не притворялся, но истово верил в ту дребедень, которую вещал. И хотя в прошлом Чирков очень быстро разоблачал тех, кто пытался симуляцией безумия избежать кары за уголовщину, но теперь он поверил Осокину вполне. Ведь Чирков хорошо знал, что главное в речи не подбор и сочетание слов, а интонация, с которой они произносятся. Ведь объяснятся в любви и клянутся в усердии примерно одинаковыми словами, но одним ораторам доверяют,

а другим нет...

И Романа Валерьевича обворожили интонации, с которыми произносились слова самой банальной лестии... и не почуял он подвоха... Но очаровался он всё-таки не сразу, ибо его профессиональный опыт противился поначалу безоглядному доверию; малейшая фальшь сгубила бы Осокина, но сработало наитие безупречно...

И Роман Валерьевич, стоя у сейфа, начал витийствовать сам; возвещалось о напастях страны и о крайней нужде в новых идеалах... А проще всего идеалы прививать гипнозом, и для этого уже разработаны эффективные методики. Можно применить и транс, и гипноз наяву... Но проблема с идеалами!.. Прежние идеалы, как демократические, так и имперские уже померкли, а новых заветов ещё нет. Но психиатры не способны создавать новые общественные идеалы: ведь медики – узкие специалисты!.. Пусть потрудится над идеями гость, ведь он – образованный философ и изучал основы религий. И его в поощренье за труды очень резко повысят в ранге, приравняв к Алле; будет щедрой и денежная награда... Но авторские права на тексты будут юридически оформлены на хозяина особняка, и позаботится об этом Алла...

Осокин выразил усердие и рассыпался в благодарностях; затем последовало хозяйское приглашение к завтраку. Роман Валерьевич самолично проводил гостя в его комнату и вернулся восвояси...

«Стремительную карьеру я сделал тут, – подумал Осокин и вяло рухнул на стул. – Я был здесь смертником, жертвенным скотом, а стал подобием министра пропаганды. И самое главное: появилась у меня некая вторая ипостась; я вдруг приобрёл способность отключать своё сознание, достигая внутреннего безмолвия. И в этом изменённом состоянии все мои поступки и речи безошибочны. Такая способность появилась у меня от безмерного желания выжить; именно ею себя я спас... И теперь поселили меня в фешенебельных апартаментах...»

И он, крутя головой, обзрел своё новое жилище и остался им доволен, хотя убранство комнаты показалось ему претенциозным. Серебристый компьютер на модном столике оказался очень мощным, а изящная мебель была удобной. Преобладали в комнате оттенки золотистого и зелёного цветов; два окна с сетками от мошек были распахнуты, и воздух в помещении благоухал, а кружевные занавески трепыхались от сквозняка. Две зеленоватые узкие двери в туалет и ванную были открыты настежь. На стене с золотистыми обоями висела огромная картина, где бесталанный художник изобразил бородатых учёных мужей с колбами, пробирками и микроскопами; химики на полотне были намалёваны с эполетами, шпагами и блестящими пуговицами... Из-за дальних бугров доносилось конское ржанье...

Илью удивило полное отсутствие книг, даже полок для них не имелось. Он припомнил, что и в хозяйском кабинете

книг оказалось очень мало. Даже в двух его коммунальных комнатах книг пылилось гораздо больше, но там, в затхлой его конуре пахло кошками, тараканами и керосином, а здесь воздух был свежим и пряным. . .

И вдруг в комнате появился насупленный Кузьма с кудлатою овчаркой на поводке. С рассвета слуга обрядился в щегольскую чёрную черкеску с газырями и в сиреневые штаны, заправленные в хромовые сапожки; белели папаха и башлык. Собака зарычала, но Кузьма ласково потрепал её по загривку, а затем ухватил её за серебристый ошейник.

– Сюрприз! – молвил Кузьма ошарашено. – И как же ты попал сюда, и кто же ты теперь?

Илья вскочил со стула и ответил:

– Меня самолично хозяин поселил сюда, удостоив меня аудиенции. А как ты меня отыскал?

– Ну, это совсем просто!.. Я ведь тебя караулю. Проверил я утречком твою каталажку и, узрев её порожней, пустил по следу верного пса Руслана; тот и привёл сюда. Правда, поначалу застопорился пёс у входа в хозяйски чертоги, но я не посмел в них войти. Но собака опять унюхала твой след, и вот я здесь.

И оба они, помедлив, обменялись рукопожатьем; кобель неспешно улёгся у дверей и положил мощную морду на лапы. Кузьма сел в тёмно-зелёное кресло и спросил:

– И в каком чине теперь ты здесь?

Илья дёрнул плечами и, прикорнув на табурете возле ком-

пьютера, ответил:

– Я теперь нечто дьяка при боярине. Буду своему господину советы твякать и грамоты вместо него писать, а барин начнёт выволочки мне устраивать за разгильдяйство. Впрочем, ко мне пока благосклонны. Даже изволили к завтраку звать...

– А в чём ты пойдёшь к завтраку? За стол хозяина негоже садиться в холщовой рубахе аспидного цвета и в шароварах с алым кантом. Хозяин обожает церемонность и шик.

– Та одежда, в которой я приехал сюда, засалена и дурно пахнет. А для стирки у меня нет времени.

Кузьма ворчливо предложил:

– Надень шмотки здешнего обитателя Кирилла, у него – твоя комплекция. Его одежду я намедни стирал и утюжил, а вернуть её доселе не успел.

Они помолчали, и Кузьма, негодуя, присовокупил:

– Я исполняю здесь обязанности прачки!

– Надо испросить дозволение у хозяина барахла, – молвил Илья. – Негоже без спросу распорядиться чужой собственностью.

– Подожди пяток минут, и я получу разрешение, – проговорил Кузьма и вышел прочь; собака потрусил следом...

Кирилл в белых штанах и батистовой сорочке с вышитыми колосьями сидел в своей комнате возле трюмо и щипал пинцетом волоски из ноздрей; было и щекотно, и больно. Внезапно раздались громкие стуки в дверь, и Кирилл настороженно спросил:

– Кто пришёл ко мне столь рано?

Визитёр за дверью басовито отозвался:

– Пришёл Кузьма.

– Я сейчас отопру.

У Кирилла вдруг запершило в горле, и он резво вскочил с дергающимся кадыком, а затем, подойдя к двери, повернул ключ в замочной скважине. Дверь распахнулась, и в комнате появился Кузьма с овчаркой на поводке. Кирилл отпрянул в угол и, клацая зубами, схватил судорожно бильярдный кий... Кузьма усмехнулся и погладил собаку по загривку...

Кирилл, притулясь в углу, подумал во внезапной панике:

«Доскакался я, допрыгался. Набедокурил я. Хозяин, возможно, узнал о моих негативных речах о нём. Неужели донесла Алла?.. Неужели послал хозяин своего стремянного забрать меня?.. А затем уколут шприцом в вену... и заставят все бумаги на мою собственность переоформить на хозяина!.. А меня, обесмысленного, затащат в барак, где работают до полного изнуренья да псалмы и гимны гундосят. Или

уволокнут меня в секретную лабораторию для опытов... Отец наколупал мне горе своими советами. А если были они лукавыми?! Неужели он завидовал и мстил мне за то, что будут у меня шансы открыто и беспрепятственно пользоваться моим богатством, а не тайно кутить, как он, в злых закутках, притворяясь на публике бессребреником?..»

Кузьма наслаждался его страхом и, вспоминая предсмертный ужас военнопленных, размышлял:

«Неужели ты, барашек, напортачил интригу против хозяина? Слишком явный у тебя страх. Боишься, что на шашлык расчленият? В твоих мозгах не иначе, как затор или паралич мыслей приключился... И пусть даже ещё не ведает хозяин о кознях твоих, но сам-то ты знаешь свой грех...»

Но Кирилл всё-таки вернул себе самообладание и напустил на лицо гримасу гордости, а после слов Кузьмы: «Бросайте свой жезл...» сломал кий о колено.

Кузьма, усмехаясь, сказал:

– У меня просьба к вам. Бывший пленник Илья Осокин приглашён к завтраку. Разрешите гостю пользоваться вашей одеждой, которая была у меня в стирке; его платье замарано.

Кирилл отшвырнул обломки кия, выскочил из угла на середину комнаты и ответил:

– Тарабарщина! В сыром чулане и взаперти он должен томиться.

– На заре его освободил хозяин и поселил, как гостя, в зелёно-золотистой комнате. Это удобная и просторная комна-

та; обустроила её госпожа Алла во время зимней инспекции хозяина по епархиям.

Кирилл ядовито молвил:

– Я помню эту поездку в буранах и выюгах. Он тогда впервые стал перед паствой являться с церковным посохом. А я сопровождал хозяина с клюкою для калик. Правда, клюка была с серебристым набалдашником... И однажды в пургу я потерял драгоценную трость...

Кузьма прервал эти воспоминанья:

– Не пытайтесь время тянуть, скорей принимайте решение.

– А ты не трамбууй, не прессуй меня. А если Осокин самостоятельно выбрался из подвала и врёт о приглашении к завтраку? А если мои одежды нужны для побега? Ведь я тогда – соучастник!

Кузьма ехидно поинтересовался:

– А зачем отсюда стрекача давать? Почему вы сами отсюда не улепётываете во все лопатки, если здесь так страшно?

– А ты почему?

– У меня другой коленкор. Меня готовы растерзать за долги. А здесь уютная потайная бухта. И я безмерно предан хозяину и благодарен ему за спасенье. Зачем вы заартачились? Ведь я о пустяке докучаю.

Кирилл неприязненно спросил:

– А почему ты стал ходатаем за Осокина?

– Если его возвеличил хозяин, то моё лакейское дело –

прислуживать фавориту. А вам хорошо известна щепетильность хозяин к одежде, в которой едят вместе с ним. А на хуторе есть казарма с ватагой преданных хозяину силачей; эти фанатики хорошо обучены пальбе и рукопашной драке. Их очень искусно натаскал заморский инструктор. Они балагурить и колебаться не будут. Мы очень долго болтаем. Примите, наконец, решение!

И Кирилл раздражённо буркнул:

– Бери мои обноски.

Кузьма ему назидательно молвил:

– Вы зря ершитесь. Решенья принимает здесь только хозяин, и вредно соваться в его дела. А вам зачтётся нынешняя уступчивость, наградят вас за одежду для гостя...

Кирилл понуро опустил в кресло и проговорил:

– Быстро же ты переметнулся!..

– А разве у меня есть выбор? Здесь не такое заведение, чтобы хулиганить и своевольничать...

– Значит, нельзя мне своевольничать! А почему тебе можно? Ведь именно ты выпустил пленника из каземата вопреки воле хозяина!

– А я предчувствовал хозяйскую волю, и только поэтому я поступил так.

– Ты не предвидел его волю, а навязал ему своё собственное желанье. Ты не думай, что мы слепцы. А хозяин уже сетовал на то, что почти не перечит тебе.

Кузьма, хмурясь, подумал:

«Эти жалобы хозяина опасны для меня. По натуре он – ревнив и завистлив... Его лизоблюды клепают мне стремление отрешить его от власти. И тогда мне гибель... Ох, зря сейчас я начал с Кириллом задираться! Я никак не могу избавиться от моей озорной опрометчивости. Надо теперь не барахтаться, а плыть по течению. Мне нужно сейчас притвориться, что я струхнул перед Кириллом, спасовал. Нужно идти на попятный...»

И Кузьма, притворяясь, что струсил, сказал:

– Если я обидел вас ненароком, то простите меня. Я сам был ошарашен; будто обухом по темени тягнули. Ведь если пришелец обретёт ярлык нашего хана на власть, то мстить затеет в первую очередь мне. Именно я охально заставил его разбрасывать навоз на клумбах и грядках. И придётся мне теперь угождением и ласкательством искупать вину. Скверный анекдот! Мне даже на войне в душманском котле проще было...

Кирилл, довольный такими словами, размышлял:

«И хоть многим кажется казак незыблемой глыбой, но есть в нём труха. Едва ли он будет для меня грозным соперником. Он боится мести Осокина за навоз и мечтает подобострастием загладить вину. Хозяин мудро возвеличил Осокина в противовес Кузьме. И опасается бородатый слуга, что и я накажу его за дерзость. Но умная дипломатия не увеличивает числа врагов...»

И Кирилл, обуздав окончательно гордыню и гнев, молвил

миролюбиво:

– Конечно, любезный Кузьма, бери мою одежду и пользуйся ею, как подарком. Не надо раздражать Романа Валерьевича. Ведь он не капризничает, но совершенно справедливо требует, чтобы приходили к еде опрятными и блюли правила гигиены.

– Благодарю вас, – ответил Кузьма, кланяясь в пояс, – сердечное вам спасибо. Простите, но я повторяюсь, что нужно мне задобрить нашего гостя после вчерашнего навоза.

И Кузьма удалился вместе с собакой из комнаты, плотно притворив за собою дверь...

Кирилл, сидя в кресле, подумал:

«Во мне нарастает непонятный ужас, чего прежде не было; кошмары мерещатся ночью. Я начинаю страшиться Романа Валерьевича до пупырей на коже, а ведь прежде я считал себя ровней ему. Теперь я даже мысленно его называю хозяином. А сегодня его обозвали ханом, и, пожалуй, это – точное определение. Хан!.. Я боюсь репрессий!.. У меня уже нет собственной воли. Я безволен наподобие тех, кто обитает в ханском бараке при войлочном цехе, но они, по крайней мере, счастливы. Они, в отличие от меня, не осознают своего безволия и не мучаются им... Но я попытаюсь бороться! Я попробую Аллу завербовать в союзницу, обрисовав ей ситуацию. А если хозяин попеняет мне за сплетни, то я переадресую обвинение Кузьме, который первый посудачил о метаморфозе Осокина в нашей иерархии. Рано мне хандрить,

надо брыкаться!.. Но будь проклят мой отец, загнавший меня сюда!..»

Он смутился и вскочил; его внезапная ненависть к мёртвому отцу стремительно возрастала. И Кирилл ринулся к зеркалу и плюнул в своё отражение; затем он рухнул на постель и замер в оцепенении... И в его сознании забрезжило обличие Аллы, становясь всё отчётливей; он полюбил её от желанья спастись и сохранить здесь своё влияние с её помощью. Но чем сильнее влюблялся он в Аллу, тем яростней становилась его ненависть к мёртвому отцу... И, наконец, Кирилл, обуянный страстью, поспешил к своей любимой...

В комнатах Аллы приятно пахло духами, шампунями, гелем и туалетным мылом; она после ванны сидела в махровом белом халатике на пуфике возле трюмо и, поигрывая феном, сладко жмурилась. Минувшей ночью она записала на компьютере дядин рассказ о спасении Кузьмы из смертельных тенёт кредиторов и теперь была очень собой довольна. И хотя этой ночью она мало спала, но крепкий сон её освежил, а холодная ванна взбодрила. Рассказ уже был напечатан на прекрасной принтерной бумаге; дядя останется доволен.

Она мечтала, как станет писательницей и прославит своё имя историей создания новой церкви. Служба у дяди подсказывает множество сюжетов, и если удачно их использовать, то обеспечены будут не только аплодисменты критиков и слава, но и денежный успех, а, значит, и независимость. Можно, например, написать для почина историю пленения Ильи Осокина...

От мыслей об Осокине стало ещё приятнее; сладко ей было воспринимать себя важной частью системы, которая способна безнаказанно и бессудно бросить любого неугодного в каталажку... И было очень лестно и приятно обещанье дяди учесть её мнение при решении судьбы пленника...

И Алла с ухмылкой грезилась, как мучается в стенаньях

Осокин, пытаясь угадать свою судьбу. А вдруг ему теперь в кошмаре вообразилось, что опутали его флотским канатом и, распяв под неистовую овацию на жертвенном алтаре, кромсают плоть его секирой! Внезапно Алла вообразила, как Осокин в лошадиных шорах и с хомутом на шее привязан к тележным оглоблям, и хлещет она его с облучка кнутом, побуждая волочить воз резвее. Пусть проклянет он миг, когда говорил с нею пренебрежительно!..

Она посмотрела на себя в зеркало, и улыбка её показалась ей бесовской. Разве не так должны скалиться колдуньи и ведьмы?..

И вдруг изумлённо она заметила в себе странное ощущение: чем ярче воображались ей страдания, которым подвергнут Осокина, тем сильнее плоть её вожелела к нему. И вспомнилось ей, как в болоте тонул её жених; она же в ужасе металась у кромки сибирской топи, называя его царевичем, богатырём и витязем в глупой надежде, что эти прозвища дадут ему сил, чтобы выкарабкаться из трясины. Он был русоволос, курчав и крепок, пока не сгинул в болотной бездне во время шальной охотничьей потехи...

В горницу без стука вошёл Кирилл и отразился в зеркале... «Слава Богу, что он ещё отражается, – подумалось Алле, – значит, он пока не стал упырём, вурдалаком...»

Она посмотрела на отражение его лица в зеркале и молвила с упрёком:

– Ты – бесцеремонен! Ты пришёл без стуку и спросу. А ес-

ли бы ты застал меня нагой?

Она из длинного тюбика нанесла на свои руки розоватый крем, а затем кончиками пальцев она гладила золотистые флаконы и пудреницу. Он сел на краешек её постели и сказал:

– В нашем ковчеге с утра суматоха и волшебство. Наш кормчий и хозяин извлёк приبلудного путника из трюма и поселил нового фаворита в роскошной золотистой каюте. Осокин приглашён к завтраку. И клянчил Кузьма мою одежду для этого пройдохи. Вот такие коврижки и пироги. Право, я ошеломлён. Я не знаю, что может хозяину ещё втемяшиться, ибо он непредсказуем.

Алла поначалу обомлела, не зная, как реагировать ей на такие новости, и вдруг она очень обиделась на дядю. Ведь он твёрдо ей обещал, что она примет участие в решении судьбы Осокина! От обиды она тихо всхлипнула и закусила нижнюю губу; затем начала бережно расчёсывать свои густые волосы частым черепаховым гребнем. И вдруг ей показалось, что Кирилл на неё смотрит с вожделением и нежностью; внезапно он сказал:

– Ты хорошо владеешь собой, удачно маскируешься. Только на миг ты выказала огорченье, но быстро обуздала себя, и теперь совершенно незаметно, что тебе больно. Я притворяюсь, актёрствую гораздо хуже тебя, и может настать миг, когда я не смогу утаить свою злобу на твоего кудесника-дядю.

Она медленно на пуфике повернулась к нему и спросила:

– Когда тебе впервые стало здесь страшно?

– Вчера, после того, как сумасбродно пленили Осокина.

Я устал от местной экзотики, но такова колымага моей судьбы...

Алла порывисто его перебила:

– Только не надо хныканья и жалоб!

– Я не плачусь, но констатирую факт. И я, поверь, не хлюпик и не растяпа. У меня к тебе совершенно конкретное предложение. Будь моей женой, ибо я полюбил тебя, возненавидев мёртвого отца гораздо сильнее, чем прежде я обожал его.

И ей показалось, что она видит на его лице непритворную нежность; Алла встrepенулась, тряхнула прядями своих волос и молвила с нарочитой суровостью:

– И как понимать мне всё это? Ещё вчера ты рьяно меня уверял, что никогда не полюбишь меня и не женишься на мне, ибо этому препятствуют заветы твоего покойного батюшки. Цитировал ты его заповеди, будто надиктовал их Дух Святой. И уже на следующий день возник энтузиазм любви ко мне! Что с тобой случилось, пока я спала?

И вдруг она, воодушеваясь, пересела к нему на свою постель; он вздрогнул от вожделения и сказал:

– Я полюбил тебя потому, что перестала моей страсти препятствовать воля моего отца, которого я обожал до самоотречения. Внезапно я понял, что он ни капельки меня не лю-

бил, а затем от великой зависти меня возненавидел. Вообрази, какая пошлая у него была жизнь: полная ханжества, лицемерия и показного бескорыстия. Ну, как такую жизнь не проклинать?! И вдруг он до ненависти позавидовал мне за то, что появилась у меня возможность открыто, не таясь, пользоваться моим богатством: ходить набобом в эротические клубы, сорить деньгами и покупать терема и яхты. Ведь теперь никто даже пикнуть не смеет против бешеных оргий и кутежей!.. Вот папаша и загнал меня от зависти сюда, сплетя психологическую дребедень. А я, раззява и дурак, ему поверил!.. И вот приходится мне здесь, уподобляясь ему, лицемерить и лгать!.. Ещё вчера утром я считал себя ровней твоему дяде, я кичился и ерепенился. Но абсурдно арестовали Осокина, и твой дядя набум, с кондачка решил его участь! Ведь так могут поступить и со мной!..

Она ласково его прервала:

– Ты можешь укатить отсюда!

– Куда мне деваться?.. – и вспыхнул он багрянцем, который почти мгновенно сменился крапинками пота и матовой бледностью. – Куда мне ехать? Ведь сюда приходят без шансов вернуться восвояси! Соратники твоего дяди любого беглеца отыщут и вздрючат...

Говоря всё это, он ясно видел, что она верит в его искренность, но вдруг он осёкся и подумал:

«Вот поёт на эстраде актриса... Если предназначены рулады только для услажденья публики, то это – благородное

дело! Но если певица знает, что разливается она соловьём ещё и для того, чтобы модуляциями заглушить вой и вопли терзаемого за сценой пленника, то её вокал преступен, как эта моя речь к Алле...»

Она мысленно согласилась выйти за него замуж, ибо такое супружество давно уже казалось ей удачной брачной партией. Он был богат, не скуп и имел импозантную внешность; он владел роскошными особняками у заповедных озёр, лимузинами, кораблями и охотничьими заимками в тайге...

И вдруг он вожделённо схватил её за талию и шепеляво пробурчал:

– Послушай, душистая Алла... О нашей помолвке я официально объявлю за нынешним завтраком...

Соски её груди сразу набухли и отвердели, и он проворно расстегнул перламутровые пуговицы её халата, а затем смачно поцеловал в пульсирующую жилку на её шее. Но вдруг зазвонили напольные часы, и оба они, глянув на циферблат, отпрянули друг от друга. Мгновенно исчезала их взаимная страсть, и они грустно улыбнулись. Алла требовательно прошептала:

– Ступай и приготовься к завтраку, он важен для нас.

Кирилл неохотно встал с постели и удалился...

В столовой внезапно стало пасмурно, небо заволокло низкими и лохматыми тучами, послышались раскаты грома, и заколыхались занавески на окнах с сетками от насекомых. Кузьма в чёрной черкеске с газырями и сиреневых штанах, заправленных в хромовые сапожки, сервировал завтрак. Слуге шустро помогала Агафья, обутая в чёрные сандалии с пряжками и облачённая в белый балахон с монашеским капюшоном над её головой. Сверкало и звякало столовое серебро, отливали искристой зеленью графины с морсом, и пахли рябчики, зажаренные на кедровом масле. На середине стола, на белой накрахмаленной скатерти высилась плетёная корзинка с булочками, ковригами, сайками и куличами. Кузьма держался степенно, но порой его движенья были суматошными; кухарка, наблюдая за ним, зырила искоса из-под капюшона.

– Откинь свою чадру, – сказал с иронией Кузьма, – а то похожа на католическую монашку в рясе.

– Такое одеянье – хозяйская прихоть, а не моя, – ответила она кротко, но капюшон откинула на плечи. – Ты ведь знаешь, что любит хозяин рыцарское средневековье, – присовокупила тихо она.

– Приближается гроза с молнией, – молвил Кузьма. – Не затворить ли окна?

– Хозяин любит дождь, – отозвалась она со вздохом. – Как, впрочем, и я.

Кузьма прошёлся по комнате и, оглядев критически сервировку стола, сказал:

– Не знаю я, что делать. Я забыл тебе сказать, что приглашён к завтраку наш пленник, Илья Осокин. Хозяин самостоятельно извлёк его из подвала и поселил в шикарных золотистых апартаментах. Я был в шоке от такой перемены. Не поставить ли заранее на стол ещё один, четвёртый прибор?

– Поставим, если велит хозяин. Странно, что тебя в армии не приучили к дисциплине. Наверное, на войне ты был мародёром. А в нашем селе покорность вколачивали батогами и палками...

Кузьма ухмыльнулся и спросил:

– Советуешь не лезть попередь батьки в пекло?

Она прошамкала:

– Да, атаман... лучше не залазить... Не надо лишнее тырить...

Она казалась ему ведьмой, когда шаркала на кухню; внезапно в комнату вошёл Чирков в белом просторном костюме из натурального шёлка. Хозяин шмыгнул к окну и, озирая глубокомысленно небосвод, спросил:

– Известны ли события нынешнего утра?

Кузьма, пялясь на его затылок, ответил:

– На заре я, как обычно, обшарил с собакой усадьбу. Я обнаружил, что пленника в изоляторе нет, натасканная собака

ринулась по следу. Овчарка привела сначала к вашим покоям, а затем в золотистую комнату; там Осокин доложил, что он приглашён вами, мой господин, на завтрак. И я, поверив этому, испросил у Кирилла его одежду для гостя.

Чирков резко повернулся от окна и, взирая на бороду слуги, спросил:

– А коли ты знал, что приглашён он к завтраку, то почему сейчас на столе только три прибора?

Кузьма подобострастно объяснил:

– Я ещё не получил вашего наказа на дополнительный прибор. А если вдруг прикажете вы поставить для Осокина прибор поплоше?

– Ставь обычный, великокняжеский! И нечего глаза побараньи тарашить! А ты не боишься, что гость сюда припрётся с острым тесаком за пазухой?

– Осокин не посмеет шалить с ножом.

– Шустро прибор тащи сюда! – гаркнул Чирков, и мгновенно слуга, колыхнув фалдами черкески, помчался на кухню.

У камелька на кухне в ожидании слуги стояла Агафья с серебряным прибором на красном подносе; Кузьма благодарно улыбнулся и услышал:

– Возьми и отнеси, безалаберный.

И Кузьма принял от неё прибор на подносе и заспешил обратно в столовую; там уже сновала Алла, а хозяин произносил в потолок выпренные слова:

– Доселе наша церковь существовала, как гусеница в ко-
коне; теперь из неё вылупится прекрасная бабочка...

Слуга с подносом поклонился Алле и вскоре от неё до-
ждался ответного кивка; затем она вздохнула и замерла воз-
ле дяди. Кузьма пристально смотрел на неё и дивился ей, ибо
никогда не видел её одетой столь просто. На ней были чёрные
лаковые туфли на высоком каблуке, зелёное короткое платье
из тонкого шёлка, а золотистые волосы спускались до обна-
жённых плеч густыми прядями. На её груди сверкал золотой
крестик с распятием, а на спине просвечивали сквозь ткань
бретельки лифчика... Кузьма быстро разложил на скатерти
четвёртый прибор, а затем ушёл с красным подносом на кух-
ню ожидать там электрического звонка, коим хозяин пода-
вал приказ нести яства. На кухне мрачная Агафья дала слу-
ге белые лайковые перчатки, и тот машинально их натянул
на свои руки. Стряпуха молвила с укором:

– Ты даже не соизволили заметить, что нынче перчатки
из тонкой благородной лайки, а не из нитей!

Кузьма хмыкнул с иронией:

– Как сегодня всё торжественно!

И в ожидании хозяйского звонка из столовой челядь рас-
селась по табуретам...

В столовую опасливо вошёл Осокин, обутый в серые
туфли на пупырчатой подошве и облачённый в белые ши-
рокие брюки и в чёрную ситцевую рубашку; хозяин, оскла-
бясь, указал ему перстом место за обеденным столом, и гость

благодарно и почтительно поклонился. И вскоре появился в столовой Кирилл в узких сиреневых штанах и в коричневой льняной рубаше с кружевным воротником. Чирков расположился за столом первый, а затем и остальные проворно уселись на свои места; хозяин резко нажал кнопку звонка, подавший челяди знак о вносе еды. Они кушали рагу из жареных рябчиков, блины, оладьи и копчёную осетрину; Кузьма прислуживал, как заправский, вышколенный официант из фешенебельного трактира... Агафья незримо для сотрапезников слушала с болезненным и страстным интересом их застольный разговор... Поначалу сотрапезники балагурили только о мастерстве кулинаров и кондитеров, но затем за чаем с баранками и вафлями Чирков, наконец, заговорил серьёзно:

– Нам нужно проводить селекцию людей в более широких масштабах. Нам нужно усерднее ставить капканы для душ и беспощадней поражать разум гипнозом, будто острой или гарпуном. Ради зачатия новой эры ничто не должно казаться нам заторным!.. На заре христианства таились святые апостолы со своей паствой в катакомбах и пещерах, пока, наконец, не явили языческому миру своё жертвенное сиянье! Доселе все государства подстраивались под порочных людей, а я сотворю совершенную расу людей для идеального государства, и этим я спасу Россию, превращённую в блудный вертеп. Совершенный человек – уже не химера. Я ведь могу любого наделить теми качествами, какие сочту я нуж-

ными для гражданина образцового государства. А для русских моя новая религия станет осью бытия, спиралью развития! Именно Россия должна стать образцом для всего мира. Но я ещё не ведаю, во что мне превратить свою страну. Нужно весьма чётко сформулировать, какой в России должна быть власть... Вы все, наверное, уже заметили, что темпы расширения моей церкви замедлились. А заминка, пробуксовка в том, что я ещё не решил проблему о сущности моей будущей власти над страной. И хотя всё на свете способен я постигнуть, но я ещё не специалист в гуманитарных науках. И поэтому я решил задействовать для своих целей профессионального философа, приبلудного Илью Осокина. Поглядим, будет ли прок от него... Отвечай мне, Кузьма: не сбежит ли философ отсюда?

– Невозможно, – ответил веско слуга и посмотрел мельком на Агафью, замершую истуканом с капюшоном на голове в двери на кухню.

«Как хорошо говорил я сейчас, – подумал грустно Чирков. – Но ведь стоит мне взять перо в руки, и я не сумею записать на листе бумаги ни строчки из этой моей славной речи...»

«Какая сумбурная, путаная, скомканная речь!..» – подумала Алла и принялась мысленно повторять дядины изречения, чтобы лучше их запомнить для будущей записи.

Кирилл усмехнулся краем рта и проговорил с иронией:

– Что ж, будем теперь уповать на волшебное превраще-

ние банального, мелкого спекулянта в мыслителя глобально-го значения...

Чирков угрожающе молвил:

– Не юродствуй, финансовый гений!

И Кирилл осёкся и, помявшись, заюлил:

– Умоляю вас: простите меня! Но все эти неожиданные метаморфозы выбили меня из колеи, и начал я вздор буровить. Ещё раз прошу извинить меня; согласен на любой штраф. Но, высокочтимый Роман Валерьевич, я перестал понимать мотивы ваших оригинальных поступков. И это порой меня огорчает до слёз, хотя я не склонен распускать нюни...

– А какая у тебя нужда понимать меня? – сварливо спросил Чирков. – Почему ты считаешь постыдным повиноваться мне слепо? Неужели спесь и гонор в тебе ещё не извелись?

И Кирилл тихо замямлил:

– Нет во мне нахальства и кичливости. И уж поверьте мне, Роман Валерьевич, но рядом с вами всегда ощущаю я свою ущербность. Я не хорохорюсь, не пыжусь...

И вдруг заговорила Алла:

– А на допросе пришелец уверял, что влекла его сюда некая высшая, таинственная сила. И лицо у него было такое, будто вылез он на свет Божий из канализационного люка, после кошмарного и долгого сиденья в фекальных стоках. Он пылко уверял, что здесь он чувствует особую благость ауры, и нас он называл элитными, роковыми людьми. И в своём появлении здесь он узрел промысел Божий...

– Неужели, Кузьма, всё это правда? – с живостью спросил хозяин.

– Чистая истина, – негромко подтвердил слуга.

И вдруг Чиркову показалось безмерно отвратительным то, что на чудесной планете Земля управляют и господствуют такие мерзкие биологические особи, как люди, и сразу он истово уверовал в Бога. У Чиркова вдруг решительно переменилось восприятие собственных его поступков, и их мотивы показались ему несоизмеримо более благородными и возвышенными, чем прежде. Ведь он теперь совершенно искренно и окончательно уверовал в то, что канва его жизни предначертана Проведеньем, а сам он – его избранник. Все его прежние сомненья в своей богоизбранности исчезли...

И мнилось теперь Чиркову, что вся его прежняя нечестивость была только закалкой его души для великой и мистической миссии, которая оправдает его подлость и изувержство. Всевышний-де разочарован приёмами и способами, коими официальная церковь воздействует на души людей. Ведь фрески, литургии, панихиды, хоровое пенье, покаянье и исповедь не превращают христиан в бескорыстных праведников. Психотропные лекарства и гипноз гораздо эффективнее, поскольку они безотказно и быстро обеспечивают и бескорыстие, и праведность!..

На миг Чиркову подумалось о том, что вся эта приятная ему логическая конструкция зиждется на одном только допущении ниспосланья Осокина Богом. Ведь только при та-

ком допущении стремительное возвышение прищельца окажется не прихотью взбалмошного барина, но мистическим проникновением мудреца в промысел Господень...

И Чирков, приосанясь, торжественно сказал:

– Я схематически обрисую вам положение. Богу нужны наши методы. Приёмчики официальных конфессий давно утратили эффективность. Разве не глупо в эпоху ракет и реактивных лайнеров влачится на хилом и дряблом мерине? И пусть мы любим и ценим этого чахлого мерина, таскавшего долго борону, сеялку и плуг, но пусть теперь это копытное околевает с почётом и жвачкою в стойле, а мы будем пахать на тракторе с бензиновым мотором... Нынче народам нужны не компрессы, а скальпель; примочками и мазями мозги не исцелить. Теперь нужны не кадильницы с ладаном и мирро, но мои препараты и микстуры для массовых галлюцинаций... Официальную церковь я уподоблю дряхлому мерину. А исповедь, молебны и покаянье бесполезны и подобны примочкам, бинтам и мазям при раковых хворостях, где нужен нож хирурга... Я и сам с умилением захожу в древние соборы, где пряно благоухает воском и хвоей. Я полюбил запахи монашеских келий, ржавого железа вериг и пудовых кандалов. Однако мириады людей мыкаются по церквям, но счастье никак не обретают. А всё потому, что на разум и души этих горемык пытаются попы воздействовать устаревшими, древними приёмами, которые способны повлиять только на косных, заскорюзлых дикарей. Но ведь чув-

ства и восприятие современного человека изрядно притуплены массовой информацией, документальными фильмами о зверствах, пошлым игровым кино и разнузданным телевидением. Да разве на душу такого очерствелого субъекта способны воздействовать церковные оркестры, хоры и колокола? Для человеческой души нужен штык!.. На современные умы и души бесполезно воздействовать допотопными церковными ритуалами, терминами и стилями. Ради сотворенья праведников умы и души нужно насиловать!..

Чирков из самовара налил чашку чая и, обжигаясь, отпил глоток. Алла оторопело молвила:

– Я не хочу лукавить, но ваши слова меня ужаснули.

И Чирков изрёк:

– Справедливость часто жестока.

Кирилл задумчиво проговорил:

– Итак, появилась проблема: разве возможно оправдать насилие над разумом и душой ради внедренья и торжества нравственности и морали?

– И бескорыстия! – назидательно и резко присовокупил Чирков, а затем уверенно продолжил. – Всё оправдано, что неизбежно. Ведь иначе грядёт царство цинического безверия и, что гораздо хуже, безвластия. Без веры в Бога ещё можно обойтись... припомним хотя бы Советскую Империю, которая была насквозь атеистической. Но безвластие родит всеобщий кавардак, хаос! А власть без веры не бывает сильной...

И хозяин, елозя на стуле, обратился к Осокину:

– Внимайте мне, пришелец! Я способен каждому человеку внушить, втемяшить всё то, что мне угодно. Любые догмы, аксиомы и концепции могу я внушить! Но я колеблюсь и, честно говоря, не знаю ещё, что именно в людские мозги вклинивать. А вы – профессиональный философ! Создайте мне теорию, поройтесь по сусекам вашей эрудиции. И ваши писанья покажут мне: влекла ли вас сюда таинственная, высшая сила, или затащила простая случайность. Вы утверждали о высшей силе, о божественном наитии. Теперь докажите правоту ваших слов, а коли невмочь, то на себя пеняйте. Если получится у вас бездарная, явная халтура, то вашей карьере шабаш. Тогда явится к вам дылда-ассистент со шприцом...

Осокин аккуратно вытер салфеткою губы и, положив локти на стол, ответил:

– Я больше не балда, улетучилось из моих мозгов марево. Я понимаю ответственность и цель. Я уповаю на успех. И я не хочу возврата к прежней суете.

Чирков усмехнулся и грозно намекнул:

– У вас не будет рецидива или возврата к прошлому.

Осокин покорно закивал головой, и все глянули на него с хищным интересом... Чирков внезапно вскочил и стремительно удалился; слуги внимательно посмотрели на сотрапезников за столом...

В столовой все оцепенели; занавески на распахнутых окнах бурно колыхались под ветром. Внезапно раздался дальний раскат грома, а затем во дворе протяжно завывла собака. Лица сотрапезников за столом от воя овчарки сделались тоскливыми, а Кузьма довольно ухмыльнулся.

– Бдят мои пёсики! – воскликнул слуга.

– Очень хорошие челюсти у этих кобелей и сук, – мрачно пробурчала Агафья и зашаркала на кухню.

– Да, – опасно подтвердил Кирилл, – челюсти и зубы у этих тварей гигантские. И рывкают они оглушительно. Эти паршивые лохматые звери треплют мне нервы. Если хозяин всерьёз печётся об охране, то использовать надо современные системы: телекамеры, датчики и лазерные электронные реле. Но когда намекнул я об этом хозяину, то он велел мне заткнуться и не вякать... Скажи, Кузьма: а теперь собаки заперты в своих конурах и будках? Я не хочу, чтобы стая этих кудлатых вампиров обглодала меня, оставив от меня только скелет.

Слуга ответил с дерзкой иронией:

– Собак не надо бояться, они здесь вышколены и вас не тронут. И псы – не шантажисты. И не станут они вас глодать, ибо привыкли к более качественным, калорийным и витаминным продуктам, нежели человечина. Конечно, са-

мые лютые псы запираются на день в клетях и загонах. Но дрессированные овчарки шныряют вольно. Они с вами знакомы и не тронут вас в периметре усадьбы. Спокойно бродите, гуляйте по парковым аллеям. Но как только вы покинете означенный периметр, то бешено на вас бросится псиная свора. Даже сам хозяин покидает усадьбу только в машине или в коляске, запряженной цугом. Но гараж и каретный сарай запираются надёжно...

Кирилл дёрнул плечами и посетовал:

– Собаки расшатали мои нервы. И очень жаль, что нету здесь современных средств охраны.

Алла проговорила с недоумением:

– А я не понимаю, зачем вообще для охраны нужны столь изошрённые средства? Сторожа теперь похожи на бандитов и сколачиваются в шайки. Дозорные, патрульные псы ценятся дороже людей. Зачем все эти излишества?

И вдруг Осокин высказался, комкая в горстях салфетку:

– Олигархи полагают, что охрана бережёт их от народа, который ненавидит их. Так понимает их сознание. Но они подсознательно хотят, чтобы их охрана защитило общество от них самих.

Алла с усмешкой произнесла:

– Сомнительно!

– Не иначе – упрямо продолжил Осокин. – Вообразите могущественного человека, которому гарантирована полная безнаказанность за все безобразия и преступления, совер-

щённые им. Такой человек опасается сам себя. Я уверенно утверждаю это, ибо я встречал таких людей. Я им с вежливой настырностью всучивал дрянные иконы. Во время торга окружали меня охранники, и часто я замечал у покупателя огромное хотенье пришибить, укокошить меня. Не своего хозяина охранники оберегали от меня, а совсем наоборот: меня – от хозяина! Властелины и могущественные богатеи подсознательно понимают, что их нельзя отпускать на волю, и поэтому сами себя окружают они вертухаями, как в лагерьной, тюремной зоне...

Осокин на секунду умолк, и вдруг он заметил, как страстно и нервно взирают на него сотрапезники и бородатый слуга. Часть солнечного диска отразилась в зеркале, и Осокин внезапно ощутил себя не человеком, но одушевлённым прибором, который получает и впитывает сигналы из мироздания, превращая их в людскую речь. И ощутил Илья, что его разум и плоть – уже не принадлежность мелкого спекулянта, алкающего только барышей, еды и пошловатых забав, но орудие, инструмент непостижных высших сил... И столь моментальными были все эти ощущения, что его память не запечатлела их... И вдруг Осокин решил, что воле Провиденья он преобразился, обретя полное право на власть...

Алла встрепенулась от быстрых, но пристальных взоров пришельца, и он показался ей преображённым. Если прежде лицо гостя виделось ей банальным, заурядным и похожим

на мышиную мордочку, то теперь его лик воспринимался медальной чеканкой. Алла наитием ощутила веру пришельца в его полные права на земную власть, и возникло влечение к нему. С досадой она вспомнила, что почти согласилась стать невестой Кирилла. И вдруг ей подумалось о том, что её супружеские измены будут ей приятны. Она подивилась этим своим мыслям и ощутила себя незнакомкой для самой себя...

Согбённый на стуле Кирилл внезапно был шокирован ощущением собственной ненужности. Он мысленно упрекал себя за то, что опоздал он с вестью о своей помолвке с Аллой, и, подозревая в себе трусость, он обозлился на Чиркова за его стремительный уход, не оставивший времени поговорить о будущем их родстве и свадьбе. Кириллу казалось, что если бы сказал он о помолвке в самом начале завтрака, то вёлся бы разговор на другую тему, и на пришельца не возложили бы важнейшую миссию по созданию догматики и теории для новой их религии.

А Кузьма со сладостью размышлял о том, что окажись он террористом, то лучшей ситуации для взятия всей этой оравы в заложники ему не сыскать. Здесь не нужны ему даже соратники, ибо его собаки никого не выпустят из усадьбы.

«Если бы только удалось мне лишить их телефонной и сотовой связи, – думал вожделённо слуга, – то высосал бы я из их церковной артели огромную сумму иностранной валюты и перестал бы им казаться покорным ничтожеством...»

Осокин неожиданно для себя прогундосил:

– Дарование, талант – это червяк, обитающий в нас. И если не будешь питать утробу червяка творческими достижениями, то начнёт он пожирать твою собственную жизнь. Ведь любой Божий дар – одновременно и бремя.

И всем в комнате, даже самому Осокину, показался омерзительным его гнусавый и поповски-лицемерный голос...

Алле вдруг припомнился чернявый поп, певший в зелёной ризе на амвоне в пасхальную ночь. Багровел у попа огромный чирей на правой щеке; сочились гной и сукровица. И всё умиление от праздничной ночи превратилось у юной Аллы в тошнотворное омерзенье. И теперь подобное омерзенье вызвал у неё ханжеский голос Осокина, но странно возрастало её чувственное влечение к пришельцу, и она дивилась этому.

Внезапно за окнами гавкнул пёс, и раскатилось гулкое эхо. Кузьма торопливо понёс на кухню грязную посуду; слуга старательно скрывал своё внезапное отвращение к интонациям пришельца...

Кирилл судорожно проглотил слюну и пискляво спросил:

– А вы не изволите, господин Осокин, сказать: какими будут этапы вашей богословской работы? Какую догматику вы предложите нам?

Осокин стремительно встал и ответил:

– К моему прискорбию, и сам я ещё не знаю этого. Меня буквально ошеломил сюрприз Романа Валерьевича.

Кириллу очень захотелось язвительно спорить с ним, но Осокин слегка поклонился в сторону Аллы и тихо обронил:

– Позвольте же мне уйти.

И она согласно покивала головой, и Осокин, сунувшись, пошёл восвояси; Кирилл же, осклабясь, сказал:

– А ведь я заметил, как плотоядно он смотрел на тебя. Он быстро оборзел и уже вожделеет к тебе. Надо его приструнить.

– Но как?

– Я пока не знаю, но я придумаю что-нибудь.

– Слушай, Кирилл: положение очень серьёзно. Фантазии, прожектёрство и ревность теперь неуместны. Нельзя нам дразнить и раздражать нового фаворита, пока к нему не остынет мой дядя. И нам, пожалуй, полезней всего помалкивать пока о нашей помолвке. Надо таиться и ждать развития событий, а потом действовать по обстоятельствам...

– Чересчур ты осторожна...

– Мой дядя опасен, балдея от власти. Теперь он больше полагается на собственные импульсы, нежели на разум.

– Всё это потому, что никто ему перечит. Даже ты, его племянница, не возражаешь ему.

– Теперь уже поздно препираться с ним. Надо было раньше артачиться, пока оставался он вменяем. Если не угодишь ему, то покричит он храмовых своих жандармов... и хана... начнутся репрессии... И ты, пожалуйста, говори тише...

– Почему ты решила, что его обозлит наш брак?

– Я теперь ни в чём не уверена. Не знаю, какое влияние окажет на него пришелец. И зачем я только притащила сюда этого пройдоху?!

– Теперь уже поздно сетовать. Как поступать станем?

– Будем квохтать в угоду дяде. И льстить пришлому прощельге. Посмотрим, что получится в итоге.

Кирилл наклонился вперёд и шёпотом предложил:

– Надо Чиркова к его пастве спровадить. Пускай из неё жгуты вьёт. Авось, и нам уделит он меньше вниманья... Так безопасней...

– Пожалуй, ты прав... Я попробую завлечь его в бараки и на плантации... Пускай забавляется этими олухами, будто кеглями... Нам облегченье...

И они разом встали и разошлись восвояси...

Слуга угрюмо расхаживал по просторной кухне и молчал; Агафья, склоняясь с белым рушником на плече над раковиной мойки, шумно полоскала посуду. Капюшон на белом балахоне стряпухи лежал на её плечах. Наконец, Кузьма прислонился спиной к буфету и сказал:

– Я перестал понимать нашего хозяина. Я не ропщу, но зря он возвеличил этого бродягу. Теперь в нашем гнезде мне придётся обслуживать ещё одного постояльца. Ну, зачем рухнул на мой бедный хребет эдакий домочадец?..

Агафья, вытирая полотенцем руки, уселась на табурет и тихо пожурила слугу:

– Зря ты набычился. Умерить гордыню надо.

Он вспыльчиво отозвался:

– Здесь я только тем и занимаюсь, что смиряю свою натуру. Вьюсь, подобно ужу, угрю или ящерице. И скоро я здесь по хозяйскому повелению бабочкой запорхаю. А ведь я – офицер-десантник и диверсант. С тяжеленным рюкзаком я сигал на парашюте с супер-малых высот. Я воевал с беспощадными мусульманскими партизанами. И вот теперь я стираю исподнее бельё, чулки и кальсоны; однажды попались мне даже бабские колготки вкупе с лифчиком. И колгочусь я здесь без каких-либо перспектив для себя...

– Но приближен ты к хозяину, – искустительно пробормо-

тала она.

– Какая выгода мне от такой близости? Возможно, и кишат в нём великие замыслы, но почётного места для меня в них нет. Придётся мне лакеем бесконечно шастать за ним, внимать его распеканьям и лебезить. Ведь я уже стал заправским подхалимом!.. Ушёл бы я отсюда, да податься некуда... А разве ты, Агафья, довольна своим положением здесь?

И она хмуро ответила:

– Сам ты чувствуешь, что я не довольна. И я не прочь изменить участь. И тебе, очевидно, постыла такая судьба.

– Но мне уютно в моей каморке, тепло зимой в моей келье. Работёнка, правда, очень тяжёлая, но в рейдах по тылам врага было несоизмеримо труднее. Спали в палатках с дырами от пуль и мин... Но меня здесь удручает полная беспросветность. Подлизываюсь к хозяину, демонстрируя абсолютную верность, но нет даже намёка, что назначат меня начальником филиала. И ведь ты, Агафья, по воле хозяина рядишься в нелепые хламиды и балахоны, изображая чёрт знает кого! Разве не отвратно терпеть такое глумленье?!

– Чтой-то нынче ты раззадорился, – произнесла она и глянула на него настороженно и участливо. – Неужели не боишься поклёпов и доносов?

– А ты разве способна донести на меня? И какой прок тебе от навета?

– Ну, – усмехнулась она, – хозяин пуще верить мне станет. И, авось, возвеличит меня!

– Дальше кухни он тебя не допустит. И возьмёт после моей гибели нового камердинера. А вдруг мой приемник начнёт на тебя клеветать? Ведь он обязательно узнает, что именно ты уничтожила меня. Ты и сама всё это прекрасно понимаешь, ведь ты – не простая штучка! Нам не надо бодаться! Особенно теперь, когда появился у хозяина новый любимчик.

Агафья шипуче посоветовала:

– Пытайся задобрить пришлого хахала.

– Я уже пробовал. Но сегодня вдруг он показался мне отворачивательным за хозяйским столом, особенно омерзителен голос. И я боюсь сорваться и выказать пришельцу свою ненависть.

– Потерпи, казак, ради атаманского бунчука.

Кузьма метался по кухне и, махая руками, высказывался:

– Никаких прав у нас нет! Жалованье мизерное! Надрываемся мы, в сущности, за кров и пайку харчей!.. И знаешь, Агафья, мне кажется очень странным твоё поведение. Многие твои поступки непостижимы для меня. Зачем ты здесь?.. Я в долгах, как собака в блохах; здесь я хоронюсь от кредиторов, которые меня ужокошат, если отыщут. Ни кола, ни двора у меня нет, а я не хочу снова оказаться бездомным бродягой и ночевать на вокзалах, погостах и мусорных свалках. У меня нет мирной, гражданской профессии, а бывших офицеров теперь навалом, их телами хоть запруды строй. А ты, Агафья, – великолепный стряпуха, и могла бы ты занимать-

ся кулинарией в самых фешенебельных ресторанах и ночных клубах, получая достойный гонорар... Почему торчишь ты в этом осином гнезде, зачем застряла тут?.. В армии учили меня шпионажу и основам анализа информации. Сопоставил я сведения о тебе и решил, что карабкаешься ты к очень высоким постам в нашей треклятой доморощенной церкви.

Кухарка порывисто и бодро встала с табурета и с улыбкой молвила:

– Говорят, что в прошлом ты кропал трагедии в стихах. А теперь у тебя вдруг прорезался дар юмориста или сатирика. Но толку мало от излиятий. И всё-таки в одном ты прав: я хочу тучного урожая. Пожалуй, я доверюсь тебе, посвящу в свои замыслы. Но я это сделаю только в том случае, если ты не оскорбишься правдой, которую я сейчас выскажу о тебе. И я, поверь, сумею распознать притворство. Не пытайся свою обиду скрывать...

Он ринулся к окну, повернулся к Агафье спиной и, скрестив руки на груди, ответил:

– Я согласен без обиды выслушать всё то, что намерена ты мне сказать.

Она говорила, шествуя медленно и плавно по кухне:

– Ты великолепно чувствуешь опасность; бесценно на войне такое звериное свойство. Но ты, мой ангел, сначала действуешь и только потом думаешь. В бою, давя бездумно на курок автомата, ты супостата насмерть сражаешь. А труп для тебя безвреден. Но в мирной жизни после твоих враждеб-

ных и опрометчивых поступков соперник остаётся неведим, и в отместку делает он тернистыми твои жизненные тропы...

И Кузьма, взирая в окно, перебил её:

– Ведь ты, Агафья, в школе не обучалась. А говоришь складно, даже витиевато. И где же тебя натаскали в ораторстве?

– В моей деревне, – отвечала она, – всегда говорили правильным языком, без жаргонных примесей. И я прочитала уйму старых книг с кулинарными и душеспасительными рецептами. И были эти книги написаны безупречным слогом.

– Вот как, – буркнул он и повернулся к ней лицом.

И она, глядя ему в переносицу, сказала:

– Осокин мускулистый и жилистый, хоть и тощий. У него – богохульное ремесло, ибо все торговцы иконами совершают святотатство. Он – такой же неприкаянный, как и мы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.